

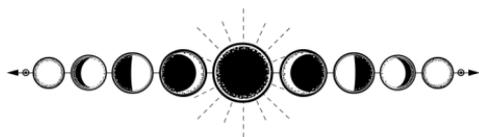

КОВЕН ОЗЕРА
ШАМПЛЕЙН

КОВЕН
ЗАБЛУДШИХ
ВЕДЬМ

АНАСТАСИЯ ГОР

КОВЕН
ЗАБЛУДШИХ
ВЕДЬМ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрация на переплете *Дары Бобровой*
Дизайн обложки *Екатерины Тинмей*

Гор, Анастасия.
Г67 Ковен заблудших ведьм / Анастасия Гор. — Москва :
Эксмо, 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-04-121073-1

Одри больше не бежит от прошлой жизни. Теперь она — полноценная Верховная ведьма, которая готова собрать новый ковен.

Одри должна защитить Шамплеин от нерадивых родственников и вернуть Коулу утерянное. Ради этого она пойдет на все. Даже на то, чтобы освоить темную магию Шепота, отправиться в дикий ковен пустынных ведьм и заключить еще одну сделку с Дьяволом.

Но как при этом не потерять свою душу? Или рассудок...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121073-1

© Гор А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

В лесу пахло сыростью, дубовой корой и снегом, что блестел на вершинах гор, обнимаемых солнцем. Лоснящаяся трава щекотала лодыжки, мокрая и отрезвляющая. Только раз в год ей позволяли покидать пределы башни — то был подарок на день рождения, который она не обменяла бы ни на какие драгоценности и игрушки. За стенами башни воздух казался ей слаще сахарной ваты. Она упивалась им, пыталась вобрать в себя весь без остатка.

Несмотря на то что каждый день рождения был гнетущим ожиданием вечера, накануне она всю ночь ворочалась в постели вовсе не от ужаса, а от трепета. Лежала с открытыми глазами, отсчитывая минуты, когда щелкнет дверной замок и няня позовет ее выйти. Этот день заслуживал лучшего наряда: нежное бирюзовое платье напоминало о недосыгаемом небе, а перья, вплетенные в волосы, о свободе, которой у нее никогда не было.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как она узнала, насколько необъятен этот мир. По сравнению с ним ее комнатка казалась спичечным коробком. Танцую в бликах музыкального торшера, она часто представляла себе, какого это — сбежать. На нее никогда не накладывали чар, не надевали путы: отец твердо знал, что она не решится на побег, не оставит их прозябать, слишком преданная своей семье. К сожалению, он был прав.

краем глаза любовалась изумрудным лесом. Ферн мысленно прощалась с ним до следующего года. Скоро все вокруг накроет тьма: она придет следом за болью, когда та сделается совсем невыносимой, и подарит Ферн сладкое забытье. Но сначала...

Сначала надо терпеть. Ради ковена. Ради папы.

— Что же, — протянул Марк, раскалив острие скальпеля над огнем, а затем щедро сдобрив его толченой солью. — Пора петь, дочка.

Ферн зажмурилась, выдавливая из себя первый куплет:

— *Ты дверь открой туда, где в темноте мой сад цветет — пусть ему рассвет сплет. Это место только для двоих, но мороз здесь все убил. Розы гибнут на ветру — тебе я силу отдаю.*

Багровая змейка, пустившаяся в пляс по молочной коже. Ровное течение песни. Чудом сдержанные рыдания, сотрясающие грудную клетку. Марк с хирургической точностью вырезал маленький лоскут под ее лопаткой, отогнул его, как обертку, а затем протолкнул скальпель вглубь. У Ферн закатились глаза. Марк держал ее за шею, но она даже не пыталась вырваться. Ее тонкие пальцы раздирали влажную землю, как отец раздирал ее саму.

— *Пусть плоть болит, пусть кровь бежит — песнь все заморожит. Сиянию сердце отвори, дай моей любви в тебя войти. Она наполнит чашу до краев — ты выпьешь и цветущий сад спасешь.*

Марк сделал последний надрез и отложил скальпель. Крови набежало достаточно: если бы няня, суетящаяся рядом, не прикладывала к ее спине целебные припарки, Ферн бы уже давно потеряла сознание. Но запах полыни и неразборчивый шепот Марка удерживали ее на грани обморока, не позволяя все испортить, прервав священное таинство.

Голос сорвался, но Ферн допела:

— *Твой век моя магия продлит, и розы расцветут в прекрасный миг.*

Марк взял щипцы, осторожно снял вырезанный кусочек плоти и положил его на свой медальон, позволяя Ферн завалиться на бок, чтобы найти утешение в холоде и беспмятстве.

Песнь подействовала. Кровь, залившая руки Марка, светилась: он никогда не надевал перчатки, ему хотелось вобрать ее магию до последней капли. Скарабей сиял: впитав боль и силу, что жила в каждой клеточке тела истинной Верховной, он раскалился в руках Марка добела. Из медальона, как из колодца, магию можно было черпать еще целое десятилетие, но едва ли Марку с его аппетитами хватит ее и на год.

Теперь рядом с двенадцатью одинаковыми шрамами на спине заживал еще один — безобразный, как и этот ритуал. Скоро на спине Ферн не останется места, и тогда Марк перейдет на ее плечи, затем на руки, а после на грудь и живот. Она была рождена, чтобы страдать во имя ковена, и отлично справлялась со своей задачей.

Это был ее тринадцатый день рождения, и ей предстояло провести так еще сто двадцать лет.

I НЕПРИКЛАННЫЙ

Сегодня был последний раз, когда я кромсал лишь деревянный манекен, а не живую плоть. Наставник подошел и вложил мне в ладонь навахон. С палисандровой рукоятью, меч будто становился продолжением руки. Я навсегда запомню его сокрушительную тяжесть, которую мог бы обрушить на любого в любой момент. А еще я запомню слова, от которых меня замутило.

«Теперь ты будешь делать то же самое, но только с живыми ведьмами, сынок. Ты быстро втянешься. Это в твоей крови».

Не понимаю... Что такого страшного способна сотворить магия, чего еще не творили мы?

На закате Руфус поведет охоту. Ходят слухи, что часть колумбийского ковена уцелела и теперь прячется в Гринвилле. Ведьм пять или шесть, не больше, и половина из них дети.

Смогу ли я сделать это? Смогу. Но смогу ли жить с этим после как ни в чем не бывало?

После обеда ко мне подошла Лисса. От нее всегда пахнет овсяным печеньем. В этот раз она протянула мне пару штук. Говорит, что тоже скучает по своей ферме в Тарберте. У нас с ней много общего. Лиссе дали короткий танто из дамаска. Я спросил ее, почему мы обязаны делать это. Она ответила, что это неправда: мы вовсе не обязаны на самом-то

деле. Дэрил сделал вид, что ничего не услышал, но лучше ей впредь не говорить такое. По крайней мере, при остальных.

Завтра меня ждет ужасный день, но, клянусь, вечером я поцелую Лиссу. Я наконец-то сделаю это! Надеюсь отделаться пощечиной, а не сломанной челюстью, хотя это как повезет. Руфус говорит, я нравлюсь Лиссе, но, по-моему, ей нравится только печенье. Я не должен думать об этом сейчас... Однако легче думать об этом, чем о завтрашнем дне.

Благослови Господь наши души. И души ведьм тоже, если они у них есть.

Я перелистнула страницу и, вложив бархатную закладку, закрыла дневник. В кожаной обложке, он выглядел потрепанным, повывавшим многое на своем веку. Первая запись была сделана за десять лет до моего рождения, и местами чернила расплылись — кое-что прочесть было уже невозможно. Но эмоционально читать дневник было куда тяжелее.

— Прости, что тебе приходится делать это, — сказал Коул, поглаживая мои ноги, лежащие на его коленях. — Я даже представить не могу, что чувствует ведьма, читая о геноциде других ведьм. Если хочешь, могу попросить Ги-деона...

— Все нормально, Коул, — завершила я, выдавив улыбку. — Конечно, закажи мы все-таки пиццу, дело бы шло куда веселее, но... Мои глаза — твои глаза. Я буду читать тебе столько, сколько захочешь. К тому же мне и самой любопытно. Кажется, твой отец был неплохим парнем. А Лисса — твоя мама, верно?

Коул кивнул, задумчиво повернувшись к далеким серым волнам, бьющимся о песчаный берег, будто мог видеть их. Его глаза успели зажить за эти месяцы, но карие радужки и темные зрачки засеребрились. Снежная пелена, потушившая огонь и не оставившая тепла.

Темно-кофейные кудри, подстриженные неделю назад навещавшим нас Гидеоном, спутались из-за рьяного бриза. Коул охотно подставлял ветру лицо: в последнее время он редко покидал пределы дома, из-за чего кожа его выцвела, утратив жизнерадостный румянец и львиную долю веснушек. Он похудел, часто отказываясь от еды, точно тигр, медленно чахнувший в неволе. Скулы заострились, безукоризненно гладкие: никогда бы не подумала, что смогу достичь таких высот в мужском бритье!

Прохладные пальцы Коула очертили линию моей челюсти, возвращая в реальность, и я придвинулась ближе, сменяя плед, которым была накрыта холодная скамья.

— Где вы сейчас? — спросил он.

Я вздохнула и, спустив ноги на землю, прислонилась к его плечу.

— На пути в Филадельфию. Зои уже должна быть в часе езды от города. *Видение* снова направляет ее.

— Значит, чистка помогла?

— Ну, после пятнадцати попыток... — протянула я, вспоминая и ванны при лунном свете, и очищение воском, и даже заговоренных пиявок. — Не знаю, что именно сработало, но обезвреживающие чары Ферн спали. Чуйка Зои снова в деле! Надеюсь, она окажется эффективнее, чем мои руны, но в этот раз они единодушно направляют нас в одно и то же место. Это определенно должен быть кто-то особенный.

Коул ласково собрал в хвост мои волосы — темно-русые, почти цвета латте, — чтобы они не лезли ему в лицо от ветра, и наклонился, ища мои губы. Его глаза рефлекторно следовали за звуком моего голоса. Я приложила ладонь Коула к своей щеке и потянулась навстречу.

— А что потом? — спросил он, вдруг передумав целовать меня и нахмурившись. — Ты вернешься домой?

— Ну, если этот колдун согласится...

— Так это колдун? Не ведьма?

— Зои утверждает, что колдун. Так вот, если он примкнет к ковену... Нас будет трое.

— И что с того?

— Я смогу воспроизвести ритуал Авроры, войти в Нью-Йорк и отобрать Вестники назад.

Коул переменился в лице. Слепота будто лишила его контроля над мимикой: теперь он невольно выражал даже те эмоции, которые надеялся спрятать на глубине. Например, страх и гнев, когда я снова заговорила об этом.

— Отобрать Вестники у ковена враждебных ведьм?! Мы ведь обсуждали! Даже если у тебя получится снять барьер, это все равно не...

— Я знаю, что делаю, Коул. — Я мягко остановила его, прижимаясь вплотную и заставляя жадно вздохнуть. — Доверься мне. Я делаю это не только ради Вестников... Возможно, в ковене Авроры найдется целительница.

— Даже если и найдется, едва ли она сможет меня вылечить, — хмыкнул Коул мрачно. — Я все еще охотник. Магия на меня не действует.

— Уже действует — *моя*. Мы же связаны, — напомнила я, растирая пальцами метку на своем запястье. — Нужно лишь освоить дар исцеления, и я вылечу тебя сама...

— Ты обещала не заикливаться на этом, Одри. Твоя первоочередная задача — восстановить ковен, чтобы дать отпор Ферн. Мы не знаем, когда она вернется. Нельзя быть такой разборчивой, отказывая ведьмам, которые не обладают даром целительства... Три месяца прошло, а ты так никого и не привела.

— Вообще-то кандидаты сами отказывали мне. — Я потянулась к фарфоровой чашке на столике: мятный чай все еще дымился. — Впрочем, я ничуть не жалею об этом. Они все бестолковые! Самоучки, знающие о магии разве что из интернет-форумов. Мне же нужны сильнейшие.

Я сделала глоток, молясь, чтобы новый колдун оказался тем самым — целителем, которого днем с огнем не сыщешь.

Этот редчайший дар — последняя надежда, что у нас осталась, после того как все магические порошки были перепробованы, и даже традиционная медицина оказались бессильна. Рубцы на роговице и выжженные зрительные нервы, которые невозможно восстановить, — такой диагноз поставил приглашенный доктор Стюарт. Это его Коул ежегодно подкупал на медкомиссиях, чтобы оставаться в рядах полиции. Однако такие подкупы остались в прошлом: как только в участке прознали о травме Коула, его тут же отправили в «безвременный отпуск», что было сродни неофициальному увольнению. Лишь благодаря тому, что Сэму удалось представить слепоту Коула как «ранение на дежурстве», он продолжал получать солидные выплаты по страховке. Но, разумеется, никакие деньги не могли заменить ему дело всей жизни.

Чтобы виртуозно освоить дар исцеления самостоятельно, по гримуару, мне бы потребовались годы. Коул не мог так долго ждать, да и чувство вины мешало мне сосредоточиться. Я не могла провести на одном месте и часа, не говоря уже о том, чтобы закопаться в книгах и зазубривать аффирмации. Утешение для меня нашлось в безустанном поиске. Беспокойный сон, постоянные путешествия и по десять новых знакомств в день — лишь бы найти хоть какое-нибудь доказательство, что эффект от мэцубуси обратим.

— Как ты узнала способ снять барьер с Нью-Йорка? — вдруг спросил Коул. — Это ведь древняя и сложная практика, которую Аврора вписала в... Стоп... Секунду. — Коул вспыхнул, даже не удосужившись выслушать мое оправдание. Впрочем, ему все было ясно и так. — Шепчущая глава Авроры опасна, Одри! Ты же говорила, что она основывается на жертвоприношениях, что это воплощение кровавой стороны колдовства... — забормотал он, распалившись лишь больше от моего гнетущего молчания.

— Это исключительно ради дела! И кстати. — Я выпрямилась, со звоном вернув чашку на блюдце. — Я пришла к тебе не для того, чтобы слушать нотации или причита-

немного времени. К концу недели мы вернемся в Берлингтон, а пока компанию тебе составят Гидеон и Сэм, хорошо? Знаю, никто из них не сравнится со мной по крутости времяпрепровождения, но... Исаак писал, что купил игральные карты для незрячих и ящик бельгийского пива, так что у вас планируется вечеринка. Обещай выпить хотя бы пару глотков и оторваться как следует! Чур, девочек не приглашать.

Коул даже не попытался улыбнуться в ответ. Поднявшись со скамьи, я помогла ему встать. Двигаясь заторможенно, он выставил вперед руку, боясь натолкнуться на угол мебели. Проведя его мимо чайного столика в балконную арку, я довела Коула до постели и осторожно усадила на подушки. Таймер на смартфоне закукарекал: бросив тоскливый взгляд на часы, я убрала дневник в тумбу и быстро закрыла балконную дверь.

— Ну же, выше нос! Как только вернусь, продолжим читать дневник Дэниэля. А еще у нас скоро праздник — *Остара*. Я покажу тебе, как его принято отмечать в моем ковене. Спойлер: кролик — тематическое животное, так что секс и размножение приветствуются. Будет здорово! — воскликнула я, наблюдая, как Коул вытягивается на мягкой постели, залившись пунцовым цветом, и что-то сбивчиво бормочет в ответ, поправляя пояс штанов. — Я люблю тебя, Коул.

Коул смягчался каждый раз, как слышал эти слова, и каждый раз повторял:

— И я тебя люблю. Будь осторожна.

Я глубоко вдохнула и покинула спальню со щемящей болью в сердце, оставив Коула в одиночестве.

Впущенный открытыми настежь окнами сквозняк гулял по коридорам. Март в Вермонте выдался едва ли не дождливее, чем октябрь: ливень шел сутками и всегда начинался внезапно, как по щелчку пальцев. Кажется, солнечным выдалось лишь одиннадцатое число, и то лишь благодаря мне.

Ясная погода — единственное, что я смогла сделать для Коула помимо домашнего яблочного пирога, чтобы хоть как-то скрасить его худший в жизни день рождения.

Вот и опять небеса разверзлись: по крыше застучала усыпляющая дробь. Солнце едва пробивалось сквозь тучи, и его приглушенный свет раскрасил все в шафрановые оттенки.

Я оглядела винтовую лестницу, уходящую еще на два этажа вверх, и поморщилась при виде открытой двери на чердак, где стоял алтарь матери. Ветер постоянно распахи-вал ее, и даже ведьмовская печать не могла совладать с ним. Будто приглашая меня войти и занять свое место, кабинет Виктории ожил, как только мы поселились здесь. Я за-тила глаза и, обойдя его стороной, спустилась вниз, следуя за соблазнительным запахом, обещающим гастрономиче-ские изыски.

— Не знала, что ты умеешь готовить.

Сэм едва не перевернул противень, доставая его из ду-ховки.

— Когда ты появилась?! Перестань так делать! Сердце в пятки уходит от этих ваших телепортаций.

— Я была наверху уже полтора часа. Так, значит, ты смотришь кулинарные передачи? Это ведь треска по ре-цепту Джейми Оливера... — протянула я, ткнув вилкой в посыпанную семенами фенхеля рыбу, лежащую на овощ-ной подушке.

Сэм стянул с рук прихватки и фыркнул:

— А что такого? Я живу один с восемнадцати лет. Есте-ственно, я должен уметь готовить! Это залог выживания.

— Хм, вкусно, — констатировала я, попробовав кусо-чек. — Не против, если я прихвачу с собой порцию? Зои осточертели всякие забегаловки. Она сейчас душу бы от-дала за домашнюю стряпню.

Сэм вздохнул, послушно доставая пластиковый контей-нер.

Хотя Сэм все еще оставался ночевать в доме Шамплейн крайне неохотно, он уже перевез сюда часть своих вещей. Правда, называл особняк «логовом призраков» и с трудом засыпал по ночам после моего рассказа о том, как Джулиан прирезал здесь всю нашу семью. Мне и самой приходилось нелегко: каждый раз, переступая порог дома, я боролась с инстинктивным желанием бежать без оглядки. Но возродить ковен в другом месте было почти невозможно. Здесь находилось самое безопасное пристанище, защищенное от Ферн и всех, кто мог попытаться навредить нам: Нимуэ неустанно стерегла берега озера, а защитный морок делал лес непроходимым для незваных гостей, даже для таких сильных, как Ферн. В особняке все еще витал душок смерти, который ничем нельзя было вывести, но благодаря Сэму, Гидеону и Исааку, бдящим возле Коула день и ночь, здесь наконец-то поселилась жизнь. И пахла она рыбой с чесноком и лимонграссом.

— Как там Зои? — осторожно поинтересовался Сэм, всеми силами пытаясь изобразить равнодушие, будто он ничуть не соскучился по ней и не строчил по ночам сопливые эсэмэски, которые Зои тайком давала мне читать. — Она не против, что ты вот так бросаешь ее одну?

— Зои сама выгоняет меня из машины, чтобы спокойно медитировать за рулем, — закатила глаза я.

— Она медитирует прямо во время вождения?!

— Я тебе этого не говорила.

Закрыв контейнер и прижав его к себе, я снова глянула на часы, надеясь, что Зои не успела уехать слишком далеко и моя связь с куклой джу-джу еще не оборвалась.

— Это тоже забери, — сказал Сэм, вытягивая из кармана шорт золотой браслет и кидая его мне в руки, словно это была граната. — Он вибрирует после захода солнца. Меня это нервирует!

Я взглянула на цепочку, в которой текла энергия, прежде мною не виданная. И как я могла так долго не заме-

чать, чем гримы являются на самом деле? Теперь, заключенные в подарок Коула, как в тюрьму из ювелирного золота, тройка демонических котов уж точно не посмеет одурачить меня вновь.

— Зачем ты заперла их? — поинтересовался Сэм, когда я убрала браслет в сумку, так и не осмелившись надеть его. — Кажется, они хорошие ребята. Они ведь спасли меня тогда... Нас всех.

— У меня нет времени разбираться с ними, — объяснила я. — Гримы, шеду или просто трикстер, которому нравится притворяться... Я уже не верю ни единому их слову. Когда будет время, тогда и займусь этим. А пока пусть сидят и размышляют о своем поведении! — крикнула я, засунув голову в сумку. — А ты, Сэм, присматривай за Коулом.

— Чтобы снова в какую-нибудь междоусобную войну ведьм не ввязался и еще чего не лишился, помимо глаз? — бестактно пошутил он, но у меня от этих слов все сжалось внутри.

— Да. И чтобы поел. Не отпускай его к озеру без сопровождения. Нимуэ только и ждет, когда он окажется в ее водах.

Заметив выражение моего лица, Сэм виновато притих. Проходящий мимо Штрудель потерял о мои ноги, протяжно мяукнув. Я наклонилась и почесала его за ушком, а затем открыла дверь и переступила черту из железной стержки и битого стекла.

— *Верни мое тело туда, где вязь и маяк ждут меня. Сохрани кости, плоть и кровь без ошибок и следов.*

Последние слова были чистой импровизацией — мне пришлось добавить их после того, как я случайно оказалась в дебрях Аляски перед берлогой гризли. Надеюсь, что новые меры предосторожности не подведут, я задержала дыхание и позволила вихрю из магии поглотить меня и перенести туда, где ревела магнитола, а запах свежей выпечки дразнил аппетит.

— Ты только что отъехала от заправки? — догадалась я, наблюдая, как Зои уминает булочку с джемом, не отрываясь от дороги. На ее коленях лежала плетеная джу-джу, набитая кроличьим мехом и вороньими косточками с прядью моих волос. Маяк сработал безошибочно. — Хорошая идея была с куклой. Даже не тошнит почти. О, мы подъехали к городу...

— Ага, — промычала Зои, вытирая рот. — Ты перенеслась в машину на полном ходу. Это успех. В такие моменты я завидую Верховным. Ну что, как там поживает Коул?

Голова все же кружилась, как флюгер, но это было не сравнить с первым разом, когда после перемещения меня рвало еще неделю. Я убрала контейнер Сэма, приоткрыла окно, чтобы вдохнуть свежий воздух и рассмотреть пригород Филадельфии, состоящий из маленьких коричневых домиков, поросших плющом.

— Держится бодрячком, но мы оба знаем, что он чувствует на самом деле. Из-за нашей связи иногда это чувствую и я. Тебя в детстве когда-нибудь забывали в крошечной темноте? То, что испытывает Коул, очень похоже на это.

Зои бросила на меня хмурый взгляд. Напомнив себе о миссии, я заставила себя взбодриться и улыбнулась во весь рот:

— Хочу кабриолет.

— Кабриолет? — переспросила Зои. — Еще неделю назад ты хотела «Форд» — мы угнали «Форд». Кабриолет был до этого. Дважды. Сколько можно?

— Прошлый кабриолет выбирала ты, а теперь хочу выбирать я. Синий! Лучше всего «Камаро».

Зои закатила глаза, но смирилась с моей прихотью и пошевелила пальцами, лежащими на руле. В боковом зеркале я увидела, как преобразилось наше красное авто, записанное на имя какого-то Дрейка, которого мы хорошенько поработали в кафе неделю назад. Теперь машина выглядела так, будто сошла со страниц ретрожурнала. Заерзав на неудобном узком сиденье, я буркнула:

вые вывески слепили, а отовсюду выглядывали постеры с изображением женских форм и непристойными ругательствами — похоже, хозяин бара не был силен в дизайне. Пройдя в глубь заведения к бильярдным столам, осажденным реднеками, я завертела головой.

— Ну и кого мы ищем? — спросила я нетерпеливо, пока Зои невозмутимо заказывала у бармена джин с ягодным соком. — Кого-то вроде Рафаэля?

Зои обернулась на звук шара, закатившегося в лунку, и обвела взглядом столики. Ее губы расплылись в улыбке.

— Нет, кого-то вроде тебя.

И я мгновенно узнала его. Не то голубые, не то синие волосы, выбритые на висках, будто бы впитали в себя неистовство океана: перламутровый глубокий цвет переливался всеми оттенками сапфира. Обычная краска не могла создать такого завораживающего эффекта, а вот магия — запросто.

Я подошла ближе. Миндалевидные глаза василькового цвета сосредоточенно следили за оставшимися шарами. Бронзовая кожа, ястребиные черты лица, рост под два метра и стальной блеск, рассекающий линии лица: тонкое колечко на нижней губе и такое же, только с шипами, в носовой перегородке. Пирсинг дополняли угольно-черные татуировки, которые покрывали все его тело: складываясь в сигилы, они не оставили и просвета чистой кожи. Я узнала на его шее руны Хагалаз и Перт, вплетенные в геометрические фигуры, доходящие до подбородка. На вид юноша был не старше Коула, но ему вполне могло быть и за сотню лет.

— Вон в ту лунку, — заявил лысый байкер, стоящий на другом конце бильярдного стола. — Ставлю сто баксов, что промажешь, мексикашка.

— Как скажешь.

Байкер глумился, потягивая сигару, пока ведьмак демонстративно примерялся кием, теребя кончиком языка колечко в губе. Длинные пальцы, увешанные перстнями и отстукива-

ющие по столу шаманский ритм, выдавали его: искры вились и распускались, как лепестки сказочных цветов, недоступные для человеческих глаз, но вполне осязаемые.

В воздухе запахло электричеством.

Неоновые вывески мигнули, проигрыватель заело — секунда, и ведьмак без лишних церемоний ударил кием по шару. Тот покатился и, виляя от стенки к стенке, угодил точно в цель.

— Бесовщина! — ахнул байкер, на что колдун лишь усмехнулся и выдернул из его пальцев смятые купюры.

— *El ganador se lo lleva todo*¹, амиго. Марго, налей нам с другом еще виски!

Я подошла вплотную, и ведьмак развернулся с пустым бокалом в руке, едва не проткнув меня кием.

— Осторожнее! — воскликнул он, отшатываясь, пока я спокойно изучала его, прислушиваясь к интуиции: подходит ли он мне? Сделает ли ковен сильнее? Смогу ли я его убедить? — Эй, какие-то проблемы? Ты новенькая, да? — спросил он с нахальной улыбкой, обнажая ряд белоснежных зубов, светящихся в ультрафиолете. — Позови Марго, будь душкой...

— Выбери карту.

Я вытащила руку из кармана и раскрыла заранее приготовленный веер из старших арканов Таро. Колдун недоверчиво сощурился, и его волосы замерцали, отливая бирюзой. Похоже, он нервничал.

— Это что, фокус какой-то?

— Вроде того. Выбери, — повторила я упрямо.

Скривившись, колдун небрежно выдернул одну из карт и сунул мне, даже не удосужившись развернуть ее и узнать, что он вытащил.

— Колесо фортуны, — озвучила я. — Авантюрист, игрок, фаталист. Независимый, любопытный, конфликт-

---

¹ *El ganador se lo lleva todo* — победитель забирает все (исп.). (Здесь и далее прим. авт.)

ный. Звучит неплохо. О, а тут у нас что... — Я отлепила от карты еще одну. — Хм... Смерть? Это странно.

— Ага-ага, — безразлично вздохнул колдун, крутя кий. — Так ты соизволишь сходить за Марго и принести мне вискарь?

— Или что? — спросила я, возвращая карты в колоду. — Заколдуешь меня, как тот бильярдный шар? Учти, со мной будет посложнее, просто так к выходу я не покачусь.

Он осекся, и голубые глаза распахнулись шире. Актерское мастерство давалось ему не так хорошо, как мошенничество, и попытка отделаться от меня прозвучала совсем убедительно:

— Ты кислоты нажралась? Иди проспись.

Он попытался обойти меня, отодвинув в сторону, но Зои заблокировала ему путь к отступлению, пролегающий через узкий проход между столиками. Сложив руки на груди, она многозначительно повела бровью, показывая: просто так ему от нас не отделаться.

Ведьмак вздохнул.

— Нынче статья за колдовство есть? — вспыхнул он, решив перейти в наступление. — Вы не выглядите как охотники на ведьм. Чего вам надо, сладкая парочка?

— Следи за языком, когда говоришь с Верховной, — произнесла Зои то, от чего меня передернуло. Взгляд колдуна метнулся ко мне, и его лицо просияло.

— Ох, прошу меня простить, Ваше Верховенство. — Он умело изобразил реверанс, хохоча, а затем вскочил на край опустевшего стола для бильярда. — Чем я, жалкий раб, могу услужить вам?

Я взглянула на компанию поджарых мужчин, распивающих пиво по соседству, но они уже переключились с бильярда на дартс. Громкая музыка заглушала наш разговор, а тем, кто все же мог его услышать, было плевать. Я посмотрела на Зои, которая забирала с барной стойки свой долго-

жданый коктейль, и позавидовала ее выдержке. Сколько бы неприкаянных я ни встретила, сколько бы раз ни произнесла заготовленную речь, меня все равно бросало в озноб, как перед выходом на сцену. В прошлые три раза ничего не получилось: одна из ведьм сбежала, даже не дослушав; другая попыталась обокрасть меня, а третья была в таком непотребном состоянии, что не могла связать и двух слов. Но все они были слабы и уж точно не были целителями — таких пустозвонов природа бы не вознаградила столь щедро. Но сегодня... Сегодня мне могло повезти.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Диего Меса, — представился колдун неохотно.

— А мое имя Одри Дефо, и я хочу пригласить тебя, Диего, в свой ковен.

Его темные брови взлетели вверх. Услышанное показалось ему настолько забавным, что бронзовую кожу разукрасил ягодный румянец. От обиды я чуть не прикусила себе язык.

Лишь перестав смеяться, Диего ответил:

— Не слишком ли ты юна, чтобы быть Верховной?

— Тест на Фейсбуке сказал, что мой психологический возраст пятьдесят шесть.

— А ты смешная. — Он ухмыльнулся, снова теребя колечко в губе. — Обычно ковенные стараются держаться от меня подальше... Стоит мне заявиться на чужую территорию, как ко мне тут же отправляют посыльного с вежливой просьбой свалить. Ты, наверное, тоже заметила, что я не очень-то смахиваю на идеального кандидата. Я проблемный. А зачем тебе лишние неприятности?

— Потому что ты ни в какое сравнение не идешь с теми неприятностями, что у меня уже есть, — призналась я. — И мне нужна помощь, чтобы справиться с ними. Это... долгая история. Если коротко, то на мою власть претендует кое-кто другой. А еще есть человек, которому твои знания, возможно, помогут вернуть утерянное... Да и мне самой

найдется, чему у тебя поучиться. Видишь ли, я в этом деле новенькая.

— То есть ты стала Верховной недавно, — уточнил Диего с насмешкой. — И сколько же в твоём ковене ведьм?

— Ну... Нас пока только двое, но мы весьма перспективный ковен.

Диего закрыл глаза и удрученно помассировал лоб рубиновым камнем в одном из его перстней.

— Ясно. А название у мини-ковена есть?

— Шамплейн. Может быть, ты слышал о нём.

Диего резко отнял руку от лица. Судя по всему, рассказывать о Шамплейн не было нужды — он и так все знал.

— Да, вы сторожите границы одноименного озера в Вермонте. Сильный ковен. *Был*. Я думал, вас истребили.

— Так и есть, но кое-кто уцелел — я. И у тебя есть шанс войти в число первых моих... приближенных. Я выделю тебе комнату в семейном особняке, дам доступ к старинному гримуару и всем ингредиентам, что потребуются. Продукты и выпивка тоже за мой счет. Видишь ли, мне по наследству столько драгоценностей и антиквариата перепало, что теперь я очень щедрая. Только дай клятву, научи меня тому, что знаешь сам, и следуй за мной. Но не как за Верховной, нет... Как за другом. Мы даже можем стать семьей.

Я обошла стол, скользя пальцами по зеленому бархату, чувствуя, как моя кожа горит от его взгляда. Он действительно любопытный и готовый пойти на риск, как и сказала Фортуна. Заинтересованный вопреки всему.

Зои причмокнула, отпивая свой коктейль, и бодро подержала:

— Соглашайся! Выпивка у нее и впрямь что надо. Да и спальни просторные.

Диего раздумывал несколько минут, подперев подбородок кием. Следя за каждым моим движением, он молчал, а я покорно ждала ответа. Увидев, как медленно проясня-

ется его лицо, я почти улыбнулась, мысленно празднуя победу, но вдруг услышала:

— Извини, но мне не нужен ничей поводок, тем более бесхребетной девчонки, у которой еще молоко на губах не обсохло.

Мне будто отвесили пощечину. В груди растекся жар: ярость, подобная жидкому огню. Зои поперхнулась и отставила бокал, качая головой, будто хотела образумить не то меня, не то его. Но для нас обоих было слишком поздно.

— Колдуны, состоящие в ковене, сильнее, — вернув себе самообладание, я решила дать Диэго второй шанс. — Верховная отдает часть своей магии как первоисточник. Если тебе нравится дебоширить и кидать людей на деньги — пожалуйста! В моем ковене это не запрещено...

— Да что мне может дать твой ковен, кроме головной боли? — огрызнулся Диэго, спрыгивая со стола. На его повышенный голос обернулись несколько постояльцев, но он повел пальцами, и те мгновенно все забыли, вернувшись к своим делам. — Если мне не изменяет память, то Шамплейн уничтожил один из детей Верховной... Значит, это сделал твой родственник, не так ли? Возможно, даже брат или сестра. А где же в это время была ты? Небось пряталась в кладовке?

— Одри, — позвала меня Зои, выступая вперед. — Идем отсюда.

— Ты выглядишь жалкой, упрасывая меня присоединиться к тебе, — усмехнулся Диэго, сделав шаг ко мне, оцепеневшей от его слов. — Тебя, очевидно, не воспитывали как Верховную, потому что Верховные не просят — они велят. Верховные не приходят сами — они зовут. Верховные умеют справляться со всем в одиночку. А ты лепечешь о семье, о дружбе... Как сопливый ребенок. Поэтому мой ответ очевиден: нет! Катись к черту, пока я еще в хорошем расположении духа и не отвел тебя к нему сам.

Я открыла рот, пытаюсь вставить хоть слово, но Диего все не затыкался. Его глаза опасно блестели. Он провоцировал меня. Зачем?

— Прекрати, — процедила я, сжав кулаки. — Чего ты добиваешься?

— Пытаюсь узнать тебя получше, — улыбнулся Диего, медленно приближаясь, как надвигающийся ураган. Электричество снова затрещало в воздухе. — Свой истинный лик люди являют лишь в гневе. Давай, Одри Дефо... Покажи мне, что ты действительно Верховная. Или я прав и ты лишь испуганная девочка, которая даже губы ровно красить помадой не научилась?

— Я выше твоих школьных дразнилок, увы, — хмыкнула я, разворачиваясь, чтобы сбежать от Диего, как и от тьмы внутри меня, к которой он взывал. От злости во рту горело. Мне хотелось запить все джином, который остался в бокале Зои, но едва я потянулась к нему, как мою руку перехватил Диего. Он стиснул ее так крепко, что затрещали кости, и от этой боли щелкнул выключатель у меня в голове.

— *Xordos*, — шепнула я, зыркнув на него исподлобья, и Диего оглушило. — *Hagalaz!*

Он вскрикнул, отшатываясь и зажимая уши руками, но тут же хрипло засмеялся. Его нос кровоточил, лицо заливало кровью, но даже когда я повторила заклятие, делая шум в голове Диего невыносимым, он не перестал смеяться.

— Да что с тобой не так?! — воскликнула я растерянно, наблюдая, как он слизывает кровь с верхней губы, едва не закатывая глаза от удовольствия.

— Со мной все не так, как и с тобой. Мы же, черт возьми, ведьмы! *Tenebris ratio*.

Диего схватился за свой кий. Один взмах, точно посохом, один удар о землю — и люди вокруг растворились, как миражи. В баре резко потемнело, словно кто-то выкрутил все лампочки. Стало холодно, как в морге, и все вокруг

посерело, поблекло. От шипения музыкального проигрывателя в углу теперь заложило уши и у меня. Оглянувшись и не увидев рядом Зои, я вдруг почувствовала тугие жгуты, обвивающие лодыжки. Диего зацокал языком, любуюсь, как они сковывают меня.

— Царство мертвых, — выдохнула я, настолько удивленная, что даже не могла сопротивляться.

— Я предпочитаю египетское название Дуат. — Диего пожал плечами, вытирая лицо рукавом рубашки. — Правда, это не совсем он. Мы лишь на его пограничье... Так, считай, в гости забежали. Но все равно впечатляет, правда?

Вынув колоду Таро, я проверила карту, которую положила последней: всадник-скелет в черной накидке, ступающий по телам мертвых.

— *Смерть*... Так ты некромант? Слышала, этот дар чаще выбирает мужчин. Он очень редкий.

— А главное, очень полезный. Особенно когда на нервы действуют, — протянул он ехидно и сорвал со спинки стула свою кожаную куртку. Очевидно, он мог находиться и в том, и в этом пространстве одновременно, чего нельзя было сказать обо мне. — Ты просила меня обучить тебя, так что, пожалуй, я оставлю тебя здесь. Чем не урок? А сам найду заведение повеселее. Удачи с местными тварями! Они обожают юных дев, особенно девственных.

— Тогда их ждет разочарование, — прорычала я, дергая ногами, чтобы освободиться от черных щупалец. — И тебя тоже. *Isa!*

Щупальца разжались, а Диего замер на месте, оказавшись в тисках невидимой силы, парализующей мышцы. Бесформенные тени, отбрасываемые тусклыми светильниками, ожили. Они расползались по бару, пока мы беседовали, и подбирались все ближе. Только сам дьявол мог знать, какие кошмары прятались в них, выжидая своего часа. Но, решив не проверять, покажутся ли они, я выставила вперед руки и скрестила их, топнув ногой.

Несмотря на поражение, Диего улыбался, наблюдая, как я выполняю его глупую прихоть — показываю себя настоящей.

— *Владыка теней, что возле детских кроватей ночами бдит! Жри предателя Брута, он детскую плоть своим вкусом затмит. Глазницы открой, как бутылку с вином. Перебери его кости. Я приглашаю тебя на кровавый пир в гости!*

Шепот утонул в помехах взбесившегося стерео. Диего захрипел, будто его ударили под дых, и упал, роняя кий. Тот закатился под бильярдный стол, а тени, шипящие по углам, остервенело бросились вперед, сползаясь в одну гигантскую чернильную кляксу.

Он хотел демонстрации моей силы — он ее получил. Я чувствовала покалывание на руках, едкий зуд, вынуждающий меня забираться пальцами под рукава и расчесывать кожу. Но я не остановилась. *Шепот* вытеснил мысли, опустошил меня и вывернул наизнанку. В висках стучала кровь, но я довела до конца заклятие, выученное из главы Авроры. «Мечь Ктулху» называлось оно — дикое, не знающее жалости и прощения. Читать его было мучительным блаженством. Ведь...

«Тьма мягкая на ощупь, как кроличья шубка, и теплая, как молоко с медом».

Диего наконец поднял голову и восторженно ахнул, не сводя с меня глаз:

— Теперь я вижу. Ты великолепна.

— А ты просто жалок, — прошипела я, нависнув над ним. — Дружья тебе не нужны, но вот нажать еще одного врага ты явно не против. Таков твой выбор?

— Нет... Верховная. — Диего запрокинул голову, глядя из-под опущенных ресниц. Я уловила ощущение наслаждения в изгибе его приоткрытого рта и опешила. — Прости, что усомнился. Ты вовсе не слаба. Да, я хочу быть частью твоего ковена.

— Что, вот так просто передумал? — фыркнула я. — С чего бы это?

— Не пойми превратно... Я не имею ничего против ковен. Просто хотел убедиться, что с тобой будет весело.

— А ты уверен, что я по-прежнему хочу видеть тебя в Шамплейн? После того, как ты собирался бросить меня в Дуате...

— Ну. — Диего призадумался, теребя языком колечко. — Судя по тому, как ты чешешься, мои знания могут пригодиться.

Я вздрогнула и удивленно взглянула на собственные руки, которые раздирала пальцами в кровь. От каждого заклятия Шепота этот зуд лишь усиливался, напоминая комариные укусы, но то была мизерная плата за такую мощь. Я же старалась не обращать на зуд внимания, а потому, опомнившись, спрятала руки за спину.

— Не понимаю, о чем ты. Так, получается, ты принимаешь мое приглашение?

— Да, пожалуй... Давно не участвовал в ведьмовских разборках. — Диего сиял, чем-то неистово воодушевленный. — Шелковая лента для клятвы имеется? У меня где-то был в рюкзаке войлочный шнурок, не знаю, подойдет ли...

— *Пло-оть!*

Мы оба повернулись на голодный рев. Темная клякса оформилась, обретя корявые руки, ноги и акулю пасть с сотней острых зубов из ржавых гвоздей. Обратившись невероятным чудищем, клякса разинула рот, опустив нижнюю челюсть до самого пола, и поползла к нам. Переворачивая на своем пути мебель, посуду, торшеры, она облизывалась, протягивая длинные лапы, покрытые дегтем, к обездвиженному Диего.

— Вау! — воскликнул он, поежившись. — Не знаю, что именно ты призвала, но выглядит оно жутко. Криповее только старые пластилиновые мультфильмы. Прямо мороз по коже! Может, уберемся отсюда?

Диего бросил на меня умоляющий взгляд, а я впиалась ногтями в ладони, борясь с искушением прочесть его. Заставить кашлять кровью и навсегда отбить охоту говорить с ведьмами так, как он говорил сегодня со мной. Больше страха и раскаяния... И меньше неповиновения.

— Одри, — позвал Диего надрывно. Покосившись на уродливую тень, которой он наверняка скормил бы меня без раздумий, Диего криво улыбнулся, пытаясь не выдавать страх. — Я ведь это несерьезно про молоко на губах и все такое... Просто разошелся что-то. Настроение поганое. Мы ведь договорились, да?

Сделав глубокий вдох и напомнив себе, что моя главная цель — собрать ковен, а не самоутвердиться, я кивнула и щелкнула пальцами.

— Больше никогда не пытайся тягаться с Верховной.

Проигрыватель зашипел, и обычная музыка вновь растеклась по бару. Чудище осталось там, где ему самое место, а мы оказались в пригороде Филадельфии. Диего подскокил и огляделся: вокруг галдели байкеры, не заметившие ничего подозрительного. Зои выглядела так, будто тоже не заметила нашего отсутствия: с тем же предостерегающим выражением на лице, как до нашего исчезновения, она растерянно заморгала и глянула на наручные часы.

— Вас не было всего две секунды. Совсем не разбираюсь в некромантии, но что-то мне подсказывает, время в темном измерении течет по-другому. Вы уже успели все обсудить?

— Нет, зато я успела надрать Диего зад, — задорно отозвалась я, и взмыленный Диего схватил бокал из-под виски и вывалил в рот оставшиеся кубики льда. Его рубашка прилипла к груди и спине: похоже, я и впрямь заставила его потеть.

— Ух! Это было горячо. — Он подмигнул мне: — Итак, теперь ковенант. Идем на улицу.

Диего вылетел из бара как пробка, и Зои повернулась

ко мне за объяснениями, но мысли в моей голове еще не улеглись. Тревога. Непонимание. Отторжение.

Что со мной происходит?

— Этот Диего полный псих! Он что, по садо-мазо? Похоже, ему в кайф получить взбучку от Верховных... Эй, Одри, ты как?

Я отняла у Зои бокал с коктейлем и залпом допила его. Покалывание на руках не проходило: расчесав их от запястий до локтя, я спустила рукава ниже, надеясь скрыть это.

— Ты вся чешешься, — все же заметила Зои. — Что там произошло? Как именно ты проучила Диего? Обычная магия ведь там плохо работает... Темное измерение — темные заклятия. И какое же ты использовала? — Она все продолжала сыпать вопросами, даже когда мы вышли на улицу и спустились к парковке. — Одно из заклятий Авроры, я права? Тебе не кажется, что ты пользуешься ими чересчур часто?

— Нет, не кажется. Я делаю это лишь в экстренных случаях.

— Хм, разве? А когда у нас кончились деньги на кредитке и нам было нечем оплатить бензин? Или когда ты украла то бордовое платье, хотя можно было наложить самый обыкновенный морок. И потом в кафе на побережье...

— Диего пытался скормить меня низшим сущностям! — перебила ее я, всплеснув руками. — Что еще оставалось делать?

Мы остановились, дожидаясь Диего, пока он копался в рюкзаке, висящем на сиденье его мотоцикла. Отполированный черный Kawasaki сверкал в лучах солнца. Даже когда Зои принесла золотые швейные ножницы из машины и небесно-голубую ленту, чтобы Диего не позорился со своим войлочным шнурком, я все стояла и смотрела в одну точку, слишком обеспокоенная и уставшая, чтобы испытывать хоть что-то.

— *Supremi venefica Audrey Defoe*. Аллилуйя, сестра, — закончил Диего, не отпуская моей руки, связанной отныне

с его рукой. Возможно, навеки. Он без конца улыбался, непрерывно глядя мне в глаза. От этого мое лицо пылало, будто меня засунули головой в разогретую духовку. Заметив, что Диего не спешит отпускать мою руку, даже когда мы трое почувствовали, как течет сквозь нас магия, объединенная в один бурный поток, Зои откашлялась.

— Раз теперь он часть нашего ковена, может, дадим ему адрес и отправим в Берлингтон? — предложила она осторожно. — Диего взрослый мальчик, доберется. А Сэм и Гидеон его встретят. Он все равно будет только мешаться в... нашей дальнейшей поездке.

— Да, ты права. — Я развязала ленту, позволяя пальцам выскользнуть из неоднозначной хватки Диего. Он размял шею, привыкая к чувству, которое было в новинку и мне: трехкратная сила. Трехкратная власть, сосредоточенная во мне, но открытая и для них тоже. — Тебе нужно в Берлингтон, Диего. На девятом километре, рядом с поворотом на Шелберн, будет лес. У тебя есть мое приглашение, так что ты сможешь пройти через него. Там увидишь большой дом. Постарайся подружиться с его обитателями, пока нас не будет, ладно?

— Я буду само обаяние, клянусь, — оскалился Диего, натягивая на голову шлем и забираясь на мотоцикл. Даже Зои присвистнула, когда тот заревел, готовый набрать сто километров в час за одну минуту. — А когда вернешься, Верховная, — это слово он произнес с особой сладостью и сарказмом, — мы обсудим политику нашего ковена. А ты понятия не имею, что у нас вообще в планах, но... Это обещает стать интересным приключением!

— Стой, погоди! — Я хлопнула себя ладонью по лбу и поспешила вытащить из мнимого кабриолета рюкзак, ища свободную склянку. — Будь добр, дай свою ладонь.

На лице Диего не дрогнул ни один мускул, когда я, прошептав заклятие, одним словом рассекла его руку, наполняя склянку горячей кровью — кровью третьего члена мо-

его ковена. Последний компонент ритуала Авроры, чтобы открыть врата в Нью-Йорк, куда она так отчаянно не хотела пускать меня, чтобы сохранить присвоенные Вестники.

— Ты определенно будешь должна ввести меня в курс дела, — хмыкнул Диего, забинтовывая руку банданой и наблюдая с подозрением, как я прячу сокровенную колбу в карман. — Увидимся!

Я кивнула, едва не задохнувшись от облака пыли, когда его мотоцикл сорвался с места. Он скрылся из виду быстрее, чем мы с Зои успели забраться в машину. Недовольно глядя ему вслед, она повернула ключ зажигания, и мы отъехали от бара.

— Я вижу его будущее в ковене Шамплейн. Диего приживется, можешь не волноваться, но... Он амбициозен и самоуверен, как сам Баал! Ты поняла, чего он добивался от тебя в баре? Хотел увериться, что ты стоишь его усилий. Вот же наглец! У него определенно есть черты, полезные для мира ведьм, но вот Коулу они не понравятся. Нужно поскорее вернуть нашему атташе зрение, чтобы он достойно выдержал конкуренцию. А то вдруг обаяние Диего такое же сильное, как и его некромантия...

Я промолчала, надеясь, что моего ядовитого взгляда достаточно, чтобы заставить Зои прикусить язык и забыть о таких глупостях раз и навсегда. Включив музыку, она вдавила педаль газа и понеслась навстречу справедливости.

— Этой ночью ты поймешь, что выбрала не ту сторону, Аврора, — прошептала я, разглядывая в лучах оранжевого заката склянку с алой кровью Диего.

«Нью-Йорк — 210 км» — сообщил билборд, мелькнувший в окне.

II КОРОЛЕВА ШЕПОТА

Небо светилось, как лазурит, залитое теплым персиковым светом. Голые деревья, на которых только проклюнулись зеленые почки, шептались на ветру. Был выходной, поэтому понежиться на мартовском солнышке вылезло множество людей. Они бродили по аллеям и вдоль берегов Лонг-Айленда, попивая ягодный смузи в прозрачных стаканах. Но с наступлением сумерек даже самый большой нью-йоркский парк «Пелем-Бей» вымирал, и царствовать здесь начинала природа: крики пеликанов и сов, шум прибоя и пенные волны, захлестывающие мелкие островки, рассыпанные по синему океану. Запах сирени и вишни охмелял, а шелест гравия под лапками диких кроликов напоминал хруст овсяного печенья.

— Пожалуйста, не делайте этого!

Доедая тако на капоте машины, я уже начала сомневаться, что заклятие поиска привело нас в верное место, но нет, мы определенно были там, где нужно.

— Идем, — дернула меня за рукав Зои, прихватив череп своей матери и склянку с остатками крови Диго. — Шабаш уже начался.

Я кивнула и, быстро прибрав мусор, спрятала под пальто несколько серебряных спиц, пару шелковых нитей и клинок, которым намеревалась закончить начатое.

— Навахон Коула? — удивилась Зои, уставившись на изогнутое лезвие, блеснувшее в свете фар, когда я разло-

жила меч, а затем сложила его, примеряясь к ощущению тяжести дамаска в руке. — Тебе мало его пальто, которое ты и так уже до дыр заносила? Как он разрешил тебе взять свой клинок?

— А он не разрешал, — хмыкнула я, пряча навахон в ножны на поясе, которыми обзавелась специально для этого дня. — Я верну его до того, как Коул заметит пропажу. Меч все равно ему пока ни к чему.

Зои промолчала, закрывая машину. На Авроре лежала вина, что тогда все вышло из-под контроля, и теперь Коул не мог даже самостоятельно почистить зубы. Его клинок — топор палача, миссия которого, заключающаяся в казни ведьм, сегодня исполнится. Я искренне надеялась, что Коул простит меня за это, когда узнает.

Я отошла от машины на пару метров и наложила морок, скрыв ее в зарослях папоротника на обочине Шор-роуд под памятником солдатам Гражданской войны.

Янтарно-малахитовые глаза Зои с узким зрачком, как у ящерицы, светились в темноте, а непослушные черные волосы-спиральки были подвязаны пестрым платком, как всегда. Она указала в сторону деревьев, за которыми уже мелькала вереница факелов. Оттуда доносилось дивное пение, сопровождаемое мужскими воплями:

— Да что вы за чудовища такие?!

Несчастный, которому не повезло угодить на кануне Остары в лапы древнейшего ковена, отбивался от них, как мог. Об этом можно было догадаться по звукам борьбы, которые, однако, длились недолго: как только мы с Зои приблизились, осторожно преодолевая поваленные деревья, они стихли.

А вот беспомощный крик стал громче.

Я перепрыгнула каменный выступ, подкрадываясь, и глянула на пустую колбу, где раньше была кровь Диего. Мы использовали ее содержимое до последней капли, когда снимали защитный барьер с Нью-Йорка: он символично

проходил там, где когда-то возвышалась первая английская стена. Магия Диего, струящаяся во мне в тот миг, была самой мощной энергией, которой мне доводилось подпитываться. Он был поистине сильным колдуном. Барьер Авроры, плотный и мерцающий, как перламутр, задрожал под нашим натиском, заискрился, а затем прогнулся под моей рукой и лопнул, точно мыльный пузырь. Это заняло больше времени, чем я рассчитывала, — почти четыре часа, за которые я провела пять ритуалов, начав с жертвоприношения черного кролика, а закончив выжиганием висы Хель на осиновой блюшке. Даже Аврора постаралась на славу, чтобы не подпустить меня к Вестникам, но этого оказалось недостаточно.

Плечом к плечу мы с Зои перепрыгнули через ручей, опоясывающий голый холм. На нем уже гудели женские голоса, сливаясь в унисон. Пригнувшись за высоким пнем, я обнажила навахон и прижала лезвие к бедру. Палисандровая рукоять горела огнем, как и я сама, заряженная заговоренной морской солью, которой щедро сдобрила тако, пока Зои не видела.

— Там, — шепнула она, показывая на высокое кострище, вокруг которого, словно наяды, плясали ведьмы.

Хоровод белоснежных туник и распущенных волос, которые трепал мартовский ветер. На голове каждой ведьмы был символ ее животного-тотема: ободок с оленьими рогами, настоящие заячьи уши, заколки из лисьего меха и даже венки из зубов косули. Их пение звучало звонко и весело, а искры пламени разлетались, как конфетти. Все это можно было принять за безобидную лагерную вечеринку, если бы не низкий алтарь из серого гранита и мужчина, привязанный к многовековой плакучей иве джутовыми веревками. Мускулистый и рослый, с голым торсом и длинными лохматыми волосами, он походил на зверя, пытающегося сорваться с привязи. Удивительно, как его крики не сбивали ведьм с такта: они будто не замечали пронзительных рыданий, продолжая праздновать под ликом круглой луны.

— Здесь слишком мало ведьм... Ковен Авроры гораздо больше. Видимо, в ритуале участвуют лишь ее приближенные. Погляди! И нет ни одного колдуна, — шептала Зои у меня под ухом, отодвинув в сторону ветви шиповника, чтобы открыть себе обзор. — Я слышала, будто ковен Шепота не приглашает мужчин, а использует их только для продолжения рода. Если рождается девочка — ее забирают в ковен, а если мальчик — оставляют на воспитание мужчине или приносят в жертву лесным духам. Неужто сплетни не врут? — поежилась Зои, но меня волновало совсем не это.

— Я не вижу Аврору, — сказала я, крутя головой и надеясь, что в толпе собравшихся ведьм вот-вот промелькнет копна вишневых волос. — Где же она?

Песнь неожиданно смолкла, и я затаила дыхание. Воцарилась тишина. Ее нарушали лишь треск костра и бесильное мычание мужчины, уже сорвавшего голос. Ковен остановился, а затем все выстроились магическим кругом, освобождая вокруг всколыхнувшегося огня пространство. В центр вошла фигура в длинной лиловой накидке с капюшоном. Я мгновенно узнала ее.

От сердца у меня отлегло. Месть все-таки свершится.

— Сестры! — Громкий голос Авроры распугал птиц, дремлющих на верхушках деревьев, и связанный мужчина притих, с любопытством разглядывая ее фарфоровое лицо, когда она сбросила капюшон. Даже в те моменты, когда смерть дышит людям в затылок, они не могут устоять перед красотой и пленом аметистовых глаз. — Мы собираемся каждый месяц, чтобы запустить колесо нашей жизни заново, но сегодня особенная ночь — ночь Заячьей луны. Это значит, что наше колесо раскрутится с удвоенной силой! Славься Идунн, жена Ивальди, мать юности нашей, вечная дева и хранительница сладких плодов!

— *Славься, Идунн!*

Ковен вторил ей хором. Аврора скинула лиловое одеяние, и его тут же подобрала низкорослая ведьма, похожая

на белокурую фею, которая следовала за своей Верховной по пятам и подбрасывала в костер связки душистых трав. Белое, точно свадебное, платье с ажурной вуалью доходило до колен Авроры, но просвечивало так безбожно, что я видела даже то, чего видеть не хотела вовсе. Фигура у нее была поистине великолепной: точеная и округлая, будто ее слепили из глины по своему подобию греческие боги. От щиколоток до острых ключиц тянулись ровные метки атташе: где-то выцветшие, а где-то совсем свежие, черные. Лишь руки Авроры были скрыты под неизменными замшевыми перчатками, смотрящимися вульгарно на фоне ее свободных одежд, отдающих дань природе-матери.

Она стояла босиком и готовила церемонию, мешая в серебряном кубке специи с ежевичным вином. Связанный мужчина таращился на нее, не моргая. Но все, что видела я, — сияющий на ее лебединой шее жемчуг, сила которого пульсировала и звала меня. Я будто слышала плач Вестников даров — они сучали по мне, пока Аврора бесстыдно разгуливала в них, неся на себе как трофей. То и дело касаясь бело-черных жемчужин, она впитывала магию моих предков и новоодаренных. Эта магия ей не принадлежала, и от злости у меня свело зубы.

— Еще не время, — притормозила меня Зои, заметив, как я подалась вперед всем телом, когда Аврора отдала наполненный кубок своей прислужнице и повернулась к беспомощной жертве, ждущей под ивовыми ветвями.

Аврора молча подошла к связанному мужчине, и лишь тогда он вспомнил, что скован, и снова забился в веревках. Когда он закричал, проклиная свою любовь к красивым женщинам, одна из которых и заманила его сюда с помощью приворотного зелья, Аврора заткнула уши руками и бросила недовольный взгляд на прислужницу:

— Виена, почему он кричит? Он напуган, а не ублажен, как подобает. Ты дала ему опиум?

— Да, Ваше Верховенство, — залепетала прислужница голосом, напоминающим кошачье мяуканье. — Но...

— Ты ведь знаешь, что в последний день жизни избранного должны быть исполнены все его желания. Он должен взойти на алтарь счастливым. Скажи, по-твоему, люди так вопят, когда они счастливы?

— Простите, Ваше Верховенство! Я сейчас же все исправлю!

Аврора вздохнула и принялась массировать виски, пока Виена суетилась, бегая туда-сюда с каким-то чугунным горшочком. Подвесив его над огнем и как следует раскалив, она поднесла горшочек, пышущий жаром, к лицу мужчины.

— Убери это от меня, тварь! — вскричал он, пытаясь увернуться от удушливого пара, поднявшегося из отверстий в кованой крышке.

Не прошло и минуты, как мужчина ослаб и покорился, перестав бороться с веревками. Его голова повисла, словно тряпичная, а губы растянулись в асимметричной улыбке. Одурманенный парами опиума и фимиамом, он вяло засмеялся, когда Аврора подступила к нему вплотную и подняла его лицо за подбородок.

— Как твое имя, любовь моя?

— Говард.

— Тебе уже лучше, Говард? — заботливо поинтересовалась она, и тот закивал, находясь под гипнозом. — Вот и славно. Теперь можно начинать.

Аврора вскинула руку, и путы спали с мужчины сами собой. Они, прежде оплетающие его с головы до ног, оставили яркие багровые полосы на запястьях, рельефном торсе и лодыжках. Не пытаясь убежать, мужчина охотно принял протянутую ладонь Авроры и, улыбаясь, двинулся следом за ней к костру.

— Сейчас! — выдохнула я, поднимая навахон и выходя из-за деревьев.

— Нет!

Я едва не свалилась в мокрую траву, когда Зои дернула меня за ремень и вернула назад прежде, чем одна из ведьм обернулась на странный шум.

Опустив навахон, я непонимающе уставилась на Зои:

— Ты что, хочешь, чтобы его принесли в жертву?! Если ты еще не поняла, это ритуал Авроры по продлению жизни! Она высасывает души, чтобы оставаться бессмертной. Буквально! Кем бы ни был этот несчастный, он не заслужил такой участи...

— Да, не заслужил, — согласилась Зои и закрыла глаза, собираясь с силами, прежде чем сказать: — Но лучше он, чем мы.

— О чем ты?

— Если пойдем сейчас, то умрем. Обе. Это единственный путь. Я *видела*, Одри! Ты должна выйти строго после того, как свершится жертвоприношение.

Я затрясла головой, пытаясь выбросить из нее любые сомнения, которые пыталась внушить мне Зои. Это было немыслимо: допустить ритуал, делающий Аврору еще сильнее, и вдобавок позволить ей вновь пролить кровь, которой и так набралось немало на ее руках. Мизерная вероятность того, что Зои права и наша смерть неизбежна, не стоила жизни невинного человека.

Или стоила?

— Доверься мне, — прошептала Зои, сжав мою руку, и в том, как она это произнесла, было больше мольбы, чем я слышала за всю свою жизнь. — Я никогда не подведу тебя.

Прикусив щеку, я повернула голову и посмотрела туда, где снова плясали ведьмы, окружая мужчину, которого Аврора вывела в самое сердце шабаша. Повернув его к себе и поцеловав так страстно, будто он и впрямь был ее единственной любовью, Аврора положила руку ему на голову, заставляя опуститься на алтарь.

Скрепя сердце я убрала навахон.

когда она снова поцеловала мужчину, серп покачнулся и одним движением перерезал ему горло.

Я едва не вскрикнула, зажав ладонью рот. Горячая кровь брызнула на гранитный камень и тонкое платье Авроры, расцветая на ткани бутонами роз. Мужчина закричал и накренился, но она не дала ему свалиться на алтарь плашмя. Аврора продолжала удерживать его за волосы, пока прислужница Виена подставляла кубок под багровые ручейки, смешивая вино с кровью и превращая его в магический эликсир. Наполнив кубок до краев, Виена отступила и отдала его Авроре. Та пинком отбросила обескровленное тело в сторону. Оно скатилось с алтаря и скрылось в траве, а ковен, разомкнув плотное кольцо, пропустил Аврору к многовековой иве.

— Даруй нам плоды свои, вечная дева Идунн!

И она наклонила кубок, выливая жертвенную кровь на почву и ивовые корни.

— *Вечная дева Идунн!*

Дерево задрожало, земля под моими ногами завибрировала. Я ахнула и попятилась, лицезря, как на его развесистых голых ветвях распускаются зеленые листья и зреют молодые, сочные яблоки. Весь ковен захопал в ладоши, заурчал, когда первый плод, доспев за считанные минуты, сорвался с ветви и покатился по изумрудной траве. Ярко-желтый, будто из золота, он блестел так, что отражал лицо ведьмы, которая подняла его и протянула Авроре.

Она взяла яблоко и вскинула его высоко над головой, как победное знамя, а когда на иве созрели и остальные, осыпаясь дождем, поднесла его ко рту и надкусила. Вместо сока брызнула кровь, и Аврора размазала ее по подбородку, утоляя животный голод плодом смерти, похожим внутри на сырое мясо, выеденное червями.

Меня едва не стошнило.

— Ave Idunn! — вскричал ковен и собрался вокруг ивы кольцом, как и вокруг костра, ведьмы одновременно нахло-

Аврора медленно повернулась, и было в ее взгляде что-то, что заставило меня убрать клинок.

— Одри! — воскликнула она будто бы радостно, раскрыв руки в широких объятиях, а затем икнула и стыдливо прижала ладонь к губам. — Ой. Как ты здесь оказалась?.. Хочешь яблочко?

Я растерянно заморгала и увидела Зои: она стояла на другой стороне поляны и выглядела абсолютно спокойной. Поймав мой взгляд, она кивнула, и я вмиг опомнилась — все ведьмы ковена Шепота были... пьяны?

Пьяны от крови.

— Вы под кайфом, — поняла я, когда Аврора подплыла ко мне, точно была соткана из тумана, и повисла на моем плече, держа золотое яблоко и хихикая.

— Да, молодость — это и есть кайф в чистом виде, милая! Как и яблоки Идунн, возвращенные на мужской крови. Райское лакомство! Так ты за Вестниками явилась, думаешь? — Она прищурилась: — Удивлена, что ты все же прорвала завесу. Я бы убила тебя за это, но сегодня Заячья луна Идунн, поэтому, считай, тебе повезло. Так что насчет угощения?

Я покачала головой и подавила рвотный спазм, когда яблоко, смердящее кровью, оказалось в сантиметре от моего лица.

— Я вообще-то пришла, чтобы отомстить тебе за предательство, — пояснила я, выбивая яблоко у нее из руки. — Ты в курсе, что у меня с собой меч охотника на ведьм? И я могу пронзить тебя им. Прямо сейчас!

— Ага, — Аврора зевнула со скучающим видом, когда я демонстративно взялась за эфес навахона. — Дерзай. А потом на тебя набросятся двадцать две ведьмы, которые собрались воспеть наше долголетие, и еще пятьдесят подспеют к ним на помощь. Знаю, ты злишься, но, уверена, понимаешь, почему я так поступила. Ферн сильна, и ваши разборки — не мое дело. Вестники даров вернули мне бы-

Мне не понравилась идея разделиться, и, колеблясь, я посмотрела Авроре вслед. Она продолжила плыть в сторону леса, не заметив, что я отстала.

— Поэтому ты велела мне ждать, — прошептала я Зои, решив прояснить все прежде, чем позволю себе довериться течению. — Этот ритуал... заворожил их.

— Да, но эффект будет длиться, пока видна луна. В любой момент Аврора может начать трезветь, — пробормотала Зои, с беспокойством глядя на небо, которое, к счастью, было безоблачным. — Тебе надо остаться с ней наедине и успеть договориться...

— Договориться?! — переспросила я чересчур громко, и Виена, семена за Авророй, оглянулась на меня с недоброй тенью на лице.

Зои шикнула.

— Я видела исход куда лучше того, что ты уготовила Авроре, — сказала она, удерживая мои руки, как только я начала сдирать кожу с запястий: они вновь зачесались, стоило мне разозлиться. — В нем нет кровопролития, но есть победа. Это самый выигрышный вариант для всех нас.

Я зажмурилась, но снова согласилась с ней.

— И что мне надо делать в этом твоём лучшем исходе?

— Позволить судьбе вести тебя. Когда услышишь зов о помощи — откликнись.

Я нахмурилась, надеясь услышать объяснение этого странного предсказания, которое было совершенно в духе Зои, но, обернувшись, увидела, что Аврора и Виена почти скрылись из виду. Побоявшись потерять их в лесной чаще, я кинулась следом, оставляя Зои наедине с ковром Шепота и таралетками.

Мы шли больше десяти минут, за которые я успела несколько раз представить, как достаю меч Коула и пронзаю им ничего не подозревающую Аврору в спину. Будто слыша мои мысли (что, впрочем, могло быть действительно так), Виена то и дело фыркала, незаметно призывая туман, будто

в которые Аврора так любила наряжать своих атташе: на первом этаже их было не меньше дюжины. Похоже, ряды Авроры вновь пополнились.

Откуда-то сверху лилась симфония Баха, и в воздухе запахло горячим шоколадом и выпечкой.

— Присаживайся! — предложила Аврора, когда мы очутились в нарядной малиновой гостиной, где посередине стояли кресла и стол, заваленный игральными картами. Прислуга прибрала их, пока Аврора занимала свое место у камина. Она указала мне рукой на бархатное кресло по соседству, а Виене жестом приказала сесть в дальнем конце комнаты. Ничуть не обиженная этим, она послушно отошла, так что наша беседа стала приватной.

— Неужели все это благодаря моим Вестникам? — спросила я, когда пожилая гувернантка внесла в гостиную серебряный поднос с чайным сервизом. — Уважение ко вена, новый особняк, новые атташе и служба...

Лимонный чай с медом, отдающий бодрящей кислинкой, идеально сочетался с ванильными круассанами, которые Аврора принялась остервенело уминать, не стесняясь сыпать крошками на накидку. Жуя очередной и запивая чаем, она кивнула.

— Ты была слишком юна, чтобы мать объяснила тебе их истинную ценность. Вестники даров — не просто памятная безделушка... Это регалия. Они как царский скипетр — знак всевластия.

— С их помощью ты даже ту выскочку свергла, что покушалась на твое лидерство? Как ее там звали... Роза... Жасмин...

Аврора со звоном вернула чашку на блюдце и поджала губы. Ее взгляд прояснился, еще секунду назад затуманенный яблоками богини Идунн.

— Тюльпана.

Я щелкнула пальцами:

— Да, точно! Где она сейчас?

— Ты не просто подставила меня, Аврора, — продолжила я, поднимая сверкающее лезвие клинка все выше, пока его острие не замерло на уровне ее груди. — Из-за тебя я чуть не лишилась своего атташе!

— Правда? — Она искренне удивилась, даже перестала пить остывший чай. Ее аметистовые глаза нашли черную полосу на моем запястье, выглядывающую из-под рукава. — Ну, как я погляжу, он все еще жив.

— Да, слава богу, однако ничего не видит. Коул искупил твою подлость и трусость, пожертвовав своим зрением!

— Печально слышать. Столь молод, а уже ни капли пользы не принесет. — Меня покорежило от услышанного, и Аврора, заметив это, мило улыбнулась.

— Ты не поняла. Он значит для меня *все*, Аврора.

— Если так, то печально вдвойне. Ты ведь знала, что отношения с атташе всегда недолговечны. Они так осуждаются в нашем обществе, потому что атташе — это ведьмин авангард, первая линия обороны, а как известно, первую линию часто прорывают. Привязанность к атташе так же нелепа, как любовь к мясничкуму тесаку.

— Вот поэтому ковен и изгнал тебя, — выпалила я. — Жестокая и бессердечная. Атташе — не только меч и стрелы! Атташе — члены семьи, и забота должна быть обоюдной. Именно это делает первую линию обороны, как ты сказала, прочнее, а тыл надежнее.

— Где же был этот тыл, когда твой ковен умирал?

Меня будто ударили под дых, и весь воздух разом покинул легкие.

— Однажды Коул Гастингс тоже умрет, — продолжила Аврора. — От старости или же от рук твоего врага, особенно теперь, когда он слеп и беззащитен... Не имеет значения. Ведьмы живут дольше — ведьмы *выживают* дольше. Это неизбежно, ведь смысл жизни атташе и заключается в том, чтобы умереть раньше тебя и *ради* тебя. Сделай ему

одолжение и прикончи его во сне, пока это не сделал кто-то другой более изощренным способом.

Я подскочила с кресла и без раздумий вскинула меч над головой, замахаясь, но Аврора только равнодушно сказала:

— Я сотру тебя в порошок, милая, даже глазом не моргнув. Ты до сих пор жива лишь благодаря моему глубочайшему уважению к Виви. Подумай хорошенько, хочешь ли ты...

— Что это?

Я передернулась и едва не выронила меч, запрокинув голову к потолку, откуда доносился пронзительный вой, перекрывая музыку Баха.

Стены и потолок задрожали. Посыпалась штукатурка. Аврора тяжело вздохнула и удрученно закатила глаза.

— Это та самая дворняжка на привязи. Не обращай внимания.

Но не обращать на такое внимание было невозможно: плач и рыдания, жалобный скулеж создавали ощущение, что Аврора действительно держала на цепи собаку. Голос был женским, но таким сломанным, что щемило сердце.

— Она заслужила это, — попыталась утешить меня Аврора. — Не стоит кусать руку, которая тебя кормит. Это не все наказание, что ее ждет. Только прелюдия. Я даже во вкус еще не вошла!

«Услышав зов о помощи — откликнись».

Все встало на свои места, и я успокоилась.

— Я хочу обменять Вестники на Тюльпану.

Аврора поперхнулась. Ритуальная кровь, кажется, окончательно выветрилась из нее. Выпрямившись, она сосредоточенно сложила руки в перчатках на коленях.

— И ты правда оставишь мне Вестники? Даже претендовать на них больше не станешь?

Я крепко задумалась. Если за ними охотилась Ферн, то где им будет безопаснее, как не здесь — в логове темней-

шего ковена, выстроившего вокруг своего города стену из древних заклятий? Лучшего временного хранилища и не придумаешь. Но Авроре знать о *«временном хранилище»* было совсем необязательно.

— Да, не стану.

— Прости, но на кой черт тебе сдалась эта мерзавка?

— Ну. — Я убрала меч и вернулась в кресло, запахнув длинное пальто Коула, сахарный запах которого подбадривал меня, словно его присутствие. — Тюльпана ведь была в сговоре с Ферн. Это она помогла ей занять твоё место и выкрасть гримуар Шамплейн. Следовательно, Тюльпана должна быть с ней хорошо знакома... Знать её прошлое, слабости, силу. Вдобавок она смогла и тебя обставить в два счета. — Я ухмыльнулась, заметив, как Аврора побагровела от этих слов. — Такая ведьма мне пригодится.

— Она ни за что не присоединится к твоему ковену, даже если это будет её единственным шансом на спасение. У неё очень строптивый нрав и акульки зубы. Даже острее, чем у меня.

— Как-нибудь управлюсь, — кивнула я решительно и протянула Авроре руку: — Так ты согласна?

Она сощурилась и, немного подумав, фыркнула:

— Нет. Компромиссы против моих правил. Так неинтересно. Слишком уж мирно мы разойдемся.

Я облокотилась о стол, смяв голубую скатерть, и устало потерла лоб.

— Как я устала от твоей заносчивости! Ну почему хоть раз нельзя не выкобениваться и сделать все по-хорошему?!

— Остынь! Я всего лишь придумала ещё одно условие нашей сделки.

Я села прямо, переводя дух.

— Чего ты хочешь?

— Все просто. — Аврора сложила руки на груди и недобро улыбнулась: — Признайся, что тебе нравится моя «темная страшная магия».

— Что? — Я рассмеялась, удивленная не то ее само-
мнением, не то столь несуразным условием нашего дого-
вора. — С чего ты взяла, что она нравится мне? Да, я чи-
тала твою Шепчущую главу, но это было просто чтение на
досуге...

— Для «чтения на досуге» ты слишком хорошо раз-
бираешься в моих заклятиях, — заявила Аврора, упива-
ясь моим смятением и тем, как предательски зачесались
от нервозности мои руки. — Ты ведь сама сказала: отсут-
ствие Вестников не помешало тебе снять барьер на входе
в Нью-Йорк. А снять его можно лишь моим заклинанием...
Зашифрованным в трех других. Ты не просто читала главу
Шепота — ты изучила ее вдоль и поперек. *Освоила*. Может,
не в совершенстве, но все же...

— Изучение ради научного любопытства, — упрямо
парировала я, поджав губы. — И необходимости.

— Разумеется. И как к этому отнеслись твои друзья?

Я запнулась, и моего мимолетного ступора Авроре хва-
тило, чтобы прочесть меня, словно открытую книгу.

— Ты практиковала главу тайком от них, я права? По-
тому что они бы не одобрили твое новое увлечение. А ведь
тогда в баре под Новым Орлеаном ты божилась, что ни-
когда не станешь злой...

— Я и не стала злой!

— И что Шепот отравляет душу...

— Да, он действительно ее отравляет! Именно поэтому
я почти не пользуюсь твоей магией.

— «Почти»? Еще секунду назад ты говорила, что во-
обще ею не пользуешься...

— Остановись! — воскликнула я, всплеснув руками.
Мои пальцы забрались под рукава свитера, расчесы-
вая внутренний сгиб локтей, который разъедало, как от
яда. — Ты хочешь, чтобы я призналась, что мне нравится
пользоваться твоими заклятиями? Что от этого изме-
нится?

— Ну... — Аврора пожала плечами и, подперев подбородок, потрепала ажурную салфетку. — Как минимум ты не превратишься в миленький черный уголек.

— О чем ты?

— Закатай рукава, Одри.

Мои пальцы заледенели, когда я, сглотнув, аккуратно подвернула один рукав и принялась сдвигать его вверх. Я была уверена, что Аврора разыгрывает меня и я не увижу ничего особенного, только шелушение кожи от морозного воздуха, но сердце выдавало меня с потрохами. Бешено колотясь, оно доказывало, что в действительности я считала совсем иначе.

— Что со мной? — всхлипнула я, жадно хватая ртом воздух, когда увидела роспись черных прожилок, спускающихся вниз от локтей.

Словно в моих венах тек деготь вместо крови: они выступали, зараженные тьмой, скопившейся внутри. Именно от нее кожа горела, будто от укусов. Я снова почесала руку — вены раздулись еще больше. Тьма в венах почти достигла запястья. Скоро ее будет не скрыть даже длинными рукавами свитера.

— Как давно ты чувствуешь зуд?

— Неделью... или две... Но еще вчера этого не было, — выдавила я едва слышно, судорожно растирая вены. — Я чем-то больна?!

— Можно сказать и так. Ты больна отрицанием, милая.

Она пододвинула ко мне свою чашку, где еще оставался лимонный чай, и я, не думая, выпила его, чтобы справиться с тремором и паническим удушьем.

— Нельзя пользоваться магией, которую не признаешь, иначе она начнет отравлять. У тебя еще есть время это исправить, но поспеши, иначе, когда тьма дойдет до пальцев, ее будет уже не убрать. Даже маскирующие чары не спасут. Так и останешься жить без возможности записаться на маникюр, — усмехнулась Аврора и стянула с руки замшевую перчатку.

Еще ни разу я не видела ее без них, и теперь мне стало ясно почему: от локтя до самых ногтей по руке Авроры шли такие же черные вены, какие начинали проступать у меня. Видя, в какие безобразные и обугленные обрубки они могут превратить мои пальцы, я содрогнулась.

— То-то же, — мрачно хмыкнула она, надевая перчатку обратно. — Я признала Шепот слишком поздно. Сама не думала, что удастся создать что-то настолько... сильное и своенравное. Какая Верховная, такие и ее заклинания. Но не бойся, это не смертельно! Всего-то надо признать, что ты немножко злая, — весело подмигнула Аврора.

Я поежилась, судорожно опуская рукав пальто.

— Но я не такая, как ты! Я никогда не была злой...

— Никто и не рождается злым, Одри. Мы обе стремимся к силе, и от этого факта не стоит прятаться. Мне потребовалось пятьсот лет, чтобы осознать это, но было слишком поздно. Пускай меня зовут злодейкой, но зло бывает разным. Иногда оно во благо...

— Это ты говорила себе, когда заморила жителей Страсбурга, заставляя неделями плясать, пока они не умирали от изнеможения?!

— Тогда был разгар охоты на ведьм. Они сожгли половину моего ковена. Это называется восстановить справедливость.

— Нет, это называется «поквитаться».

— Так разве не за этим ты пришла сегодня ко мне? — заметила Аврора. — Не забудь о своих нравоучениях, когда Джулиан склонит перед тобой голову, а у тебя в руках будет оружие, способное отсечь ее.

Я поджала губы и взглянула на руки. Там, под свитером, пульсировала тьма, ставшая моей частью, с которой я была не готова мириться.

— Ладно... — прошептала я испуганно, закрывая глаза. — Мне нравится твоя Шепчущая глава.

Аврора улыбнулась, задумчиво поправляя перчатки.

— Почему?

— Я... — В горле встал ком из стыда и гордости, но я проглотила его. — С ней я чувствую себя сильной. Спокойной...

— Могущей?

— Да, могущей. В такие моменты я знаю, что все контролирую и у меня есть ответы на все вопросы. Я изучила почти всю главу, и она... Сильнейшая в моем гримуре. Заклинания мамы другие. Они мягче, умереннее... Слабее.

Я зажмурилась, произнося это, и зуд под свитером вдруг прекратился. Облегченно выдохнув, я задрала рукава, чтобы удостовериться, но внешне ничего не изменилось.

— Принятие себя — долгий процесс, дорогая, — разочаровала меня Аврора. — Но ты уже сделала первый шаг. Отлично, договор заключен! Виена тебя проводит. Можешь забирать Тюльпану. Ну и намучаешься же ты с ней!

Опомнившись, я вскочила с места, решив, что провела достаточно времени в лесной глуши в компании Авроры, занимаясь самобичеванием. За дверями комнаты меня уже ждала Виена — похоже, мое остроумное предположение о чтении мыслей оказалось правдой. Не говоря ни слова, уже переодевшаяся в домашний льняной халат Виена повела меня по извилистым коридорам к лестнице.

— Дальше сама, — заявила она, вкладывая мне в руку медный ключ, и повернулась, спеша по своим делам. — Тебе на чердак. Там всего одна дверь. За ней такой вой стоит, что не ошибешься.

Я убрала ключ в карман, в одиночестве взбираясь по лестнице. Вопреки словам Виены, наверху было тихо, не считая звучания симфонии Баха, которая повторялась снова и снова. Разглядывая портреты бледных барышень и осенние пейзажи, я оставила позади роскошную библиотеку и, едва устояв перед соблазном заглянуть туда, перескочила последние ступеньки лестницы. Передо мной ока-

залась дубовая дверь, исписанная рунами вдоль косяков — Альгиз, Наутиз и Тейваз. Они должны были не впускать злых духов внутрь, но, перевернутые и отзеркаленные, работали наоборот — *не выпускали*.

«Пропуская катафалк вперед, подумай, не завтра ли твой черед».

Я оглянулась, ища, откуда доносится нежное, девичье пение, звенящее эхом, но оно растворилось в рокоте Баха и исчезло. Решив, что мне померещилось, я собралась с духом и толкнула дверь на чердак, надеясь, что сумею подобрать нужные слова и убедить Тюльпана пойти со мной.

— Выключи! Выключи! Выключи!

Цепи гремели, а симфония играла так громко, что я не слышала собственных мыслей. Неудивительно, что Тюльпана казалась безумной, метаясь вдоль дальней стены в железных оковах. Они оставили на ее коже воспаленные рубцы и язвы, ранили, как ранит любую ведьму железо, если как следует сдобрить его морской солью. А если еще и могильной землицы добавить... Оно становится лучшим средством, чтобы приструнить строптивую колдунью.

— Выключи!

Я заметила старый патефон, стоящий прямо по центру комнаты на винтажном столике, и повела пальцами, заставляя виниловую пластинку остановиться. Тюльпана облегченно застонала, падая на пол. Ее рваная рубашка, которая, очевидно, некогда была белой, перемазалась в саже, как и забавные штаны с рюшами. Похоже, на этот чердак ее приволокли посреди ночи прямо в пижаме. Длинные волосы, пепельные с морозным отливом, спутались и сбились в колтуны на затылке. За их завесой нельзя было разглядеть лица.

— Привет. Тюльпана, верно? — робко начала я, проходя в глубь затхлого, темного чердака, заставленного мешками с зерном и тряпками, вперемешку с подписанными коробками, оставшимися после переезда. Под единственным ок-

ном стояла металлическая койка. Тюльпане не хватило сил, чтобы до нее доползти.

— Кто ты? — прохрипела она, поглядывая на меня исподлобья. — Очередная зверушка Авроры?

Я молча выдвинула в центр комнаты табуретку и, усевшись, взглянула на цепи. Разбить столь искусно зачарованные оковы было не по силам даже Верховной, но в этом и не было нужды. Молча показав Тюльпане медный ключ, я удовлетворенно увидела, как она тут же отбросила волосы назад и выпрямилась, подаваясь мне навстречу.

— Я Верховная ведьма Одри Дефо из ковена Шамплейн, — представилась я. — И мне по силам освободить тебя.

Тюльпана сузила глаза: они тоже были аметистовые, как у Авроры, но более человеческие. Они сверкали, точно драгоценные камни. В них томила буря, которая, без сомнений, выплеснулась бы на ковен Шепота огненным смерчем, если бы я освободила Тюльпану сейчас. Лицо у нее оказалось широким, с угловатой челюстью. Ресницы и брови тоже были белоснежными. Изможденная и бледная, Тюльпана совсем не походила на свирепого узурпатора, какой описывала ее Аврора. Высокая и худая, она скорее напоминала озлобленную девочку, которой в свое время не досталось любви и которая теперь стремилась восполнить эту пустоту властью. Такой же была и Аврора.

— Зачем тебе это нужно? — спросила она сухим голосом, похожим на скрип оконных петель, и я с помощью заклинания наполнила чистой водой ее пустую миску, стоящую на полу. Она тут же припала к ней. — Ты ведь даже не знаешь меня.

— Нет, но я знаю ту, что сначала возвысила тебя, а затем смотрела на твое падение и даже не попыталась поймать.

Лицо Тюльпаны вспыхнуло. На нем румянец казался лихорадочным жаром. Она вдоволь напилась и, вытерев

рот грязным рукавом, подползла поближе. Железные цепи, охватывающие ее ноги, руки и горло, издевательски звякнули.

— Ферн, — зашевелила Тюльпана губами, покрытыми трещинами и желтой коркой. — Она бы помогла, но Аврора отняла кристалл, который мы использовали для связи...

— Ты правда в это веришь? Тот, кто действительно жаждет помочь, найдет способ это сделать.

Тюльпана промолчала и перевернула миску с водой так, что та расплескалась мне на сапоги.

— И лишь поэтому ты решила, что я сменю одну цепь на другую? — рывнула она. — К черту Аврору! К черту Ферн! И ты тоже катись.

Я вздохнула, вытирая воду с коричневой замши. Похоже, Аврора не ошиблась: я и впрямь намучаюсь с ней.

— Если принесешь мне клятву верности, — осторожно продолжила я. — Расскажешь все, что знаешь о Ферн, и научишь меня тому, что сама умеешь, сможешь начать жизнь с чистого листа. Я не держу своих ведьм подле себя, как Аврора. Ты сможешь уехать, как только мы закончим, и я сама разорву твой ковенант. У меня совсем не такие порядки, как у твоей нынешней Верховной. Я не предлагаю дружеские посиделки у камина или совместные походы в кино... Я предлагаю выбор. Твоя гордость правда стоит того, чтобы сдохнуть на этом богом забытом чердаке, лакая воду из миски, как псина?

Тюльпана окаменела, слившись со стеной, на которой виднелись тонкие полосы от ее ногтей. Я разглядела татуировку мадагаскарского лунного мотылька на ее лодыжке, а под тату — что-то еще, что желтые крылья пытались замаскировать. Давний розовый рубец, который была неспособна забить ни одна краска. Заметив, куда я смотрю, Тюльпана одернула штаны.

— У меня тоже такой есть, — призналась я, хлопая по своему предплечью, где находилась метка Рэйчел. Она

выцвела сразу же, как огонь сожрал ее тело в той чертовой рыбацкой лачуге, куда заявился Джулиан посреди ночи.

— У многих ведьм есть или были атташе, — ошетинилась Тюльпана. — Это не делает нас с тобой похожими.

— Ты хотела скрыть метку, чтобы не вспоминать. Очевидно, тот атташе был важен для тебя...

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой.

Я послушно замолчала и кивнула, поднимаясь с табурета. Стоило мне сделать несколько шагов в направлении двери, как Тюльпана встрепенулась и демонстративное презрение сползло с ее лица покрывалом.

— Стой! Ты куда?

— Ухожу. Кажется, мы закончили, разве нет?

Я накрыла ладонью круглую дверную ручку, и позади меня раздался вымученный стон. Похоже, признать, что она нуждается в помощи, Тюльпане было больно почти физически. И как Ферн удалось склонить ее на свою сторону? Но, если получилось у нее, получится у меня. В конце концов, не зря мы сестры.

— Ты совсем не похожа на Ферн, — прошептала Тюльпана вдруг, вторя моим мыслям, и уставилась на окно, почти не пропускающее света. — Не такая хваткая и самодостаточная, как она, но и не такая... полоумная.

— Да, спасибо... Наверное. — Я повернулась, поиграв ключом в руке, хотя услышанное больше походило на оскорбление, чем на комплимент. — Именно это я и пытаюсь до тебя донести.

— Ты правдапустишь меня, когда я расскажу тебе все, что знаю?

— И когда научишь, да.

— С чего мне тебе верить?

— С того, что, как ты и сказала, я не похожа на Ферн. По-моему, с учетом нынешних обстоятельств, тебе должно этого хватить.

лишь из того, что я читала в ее главе, но несколько слов я разобрать сумела: «*Твоя душа другой принадлежит*».

Что-то толкнуло меня в грудь, и я схватилась за сердце, ахнув, когда в нем растеклось жидкое пламя. Это длилось не дольше секунды, но, когда ощущение прошло, оно оставило после себя приятный теплый шлейф — прилив магии.

— Я придумала вторую часть наказания, — усмехнулась Аврора, отбрасывая за спину рыжие вьющиеся волосы. С их кончиков капала вода. — Тебе ведь нельзя верить, Тюльпана. Я так и думала, что ты попробуешь провести Одри, поэтому сама подарила тебя ей. Теперь ты служишь ковену Шамплейн, которому, к слову, не можешь причинить вреда. Я написала это заклятие всего пять минут назад, пока принимала ванну. Вдохновение накатило. Как тебе? Надо бы добавить его в гримуар.

Тюльпана раскрыла рот, но, так ничего и не сказав, бросила на меня острый, как шпилька, взгляд. Ее кулак устремился к моему лицу, но завис в нескольких дюймах, а затем безвольно разжался.

Так вот что это было — сила новой ведьмы, примкнувшей к моему ковену, пусть и против воли.

— Отныне она твоя Верховная, — кивнула на меня Аврора, не обращая внимания, как Тюльпана пыхтела от бессильной ярости, стуча ногой о пол и рыча. — Страшнее участи и не придумаешь! Я действительно гениальна.

Я фыркнула, приняв оскорбленный вид, но Аврора была так довольна собой, что не заметила этого. Тюльпана вскинула подбородок, с вызовом глядя ей в глаза, и надменно процедила:

— Бойся, *мама*, это у нас наследственное.

III ОСТАРА

— А потом Тюльпана такая: «Это наследственное, мама». Нет, ты представляешь?! Это ведь все меняет! На кой черт я поперлась на этот чердак вызволять дочь Авроры? И Зои ведь даже не предупредила меня!

Выслушав мой эмоциональный пересказ недавних событий, длящийся почти полчаса, Исаак со смачным хрустом откусил сэндвич и качнул головой в знак понимания.

— Да уж, ну и дела.

Несмотря на то что ковен Шепота остался далеко позади, а Зои взяла на себя перевозку Тюльпаны из Нью-Йорка в Берлингтон, позволил мне телепортироваться домой, я все еще кипела от злости. Разбитые Тюльпаной губы начинали ныть каждый раз, как я пыталась надкусить ломтик сэндвича, любезно нарезанного для меня Исааком. По крайней мере, мне не пришлось толкаться с Тюльпаной в машине и дожидаться, когда она запакует в чемоданы все свое барахло. Когда я уходила, Тюльпана в лаковых сапожках спускалась по каменной лестнице. Отдраенная от пятен грязи и крови, ее кожа оказалась розовато-фарфоровой, а поперек левого глаза тянулся тонкий шрам, прежде спрятанный под челкой. Рваные джинсы и стильная черная кожанка идеально дополняли образ плохой девчонки. Даже я засмотрелась на то, как гордо она вышагивает, припудренная. И не скажешь, что

еще час назад Тюльпана гремела цепями на чердаке и пила воду из собачьей миски.

Тряхнув головой, я вернулась к сэндвичу с пикантной чоризо и вытянула ноги, погружая ступни в прохладный песок.

— Зато у тебя в ковене собралось сразу несколько потенциальных Верховных, — вдруг сказал Исаак, не оставляя попыток приободрить меня. — Скоро ты станешь сильнее Ферн.

Я поджала губы и призадумалась. И вправду: Зои — преемница легендарной Мари Лаво, которая когда-то должна была занять место Рафаэля. Тюльпана — следующая Верховная, хоть ее мать и не собиралась в ближайшие столетия уступать ей свое место. Ну а Диего... Просто Диего. С ним и так все ясно.

— Аврора сказала еще что-нибудь полезное? — спросил Исаак, любуясь голубым заливом Шамплейн, который расстился перед нами.

— Кроме того, как она рада спихнуть Тюльпану кому-нибудь, нет, — буркнула я, съезжившись от порыва весеннего ветра. — Еще Аврора упомянула, что хотела оставить Тюльпану младенцем на попечение ее отца... Но ковен вынудил ее забрать дочь согласно законам. Судя по всему, Тюльпана рождена от смертного... Аврора назвала имя «Бартоломью». Хм, где-то я уже его слышала.

Имя действительно казалось мне чертовски знакомым, и, возможно, я бы даже вспомнила того, кому оно принадлежало, но мои мысли прервали слова, произнесенные нараспев:

«Пропуская катафалк вперед, подумай, не завтра ли твой черед».

Мне и раньше доводилось слышать чужие мысли, но они всегда принадлежали Джулиану. В такие моменты я срывалась с места и бежала без оглядки, благодарная, что он давал мне фору, предупреждая о своем приближении.

Но ни этот голос, ни песня точно ему не принадлежали. Однако то все-таки были мысли: спутанные, пытающиеся привлечь к себе внимание.

Откуда они в моей голове?

— Ты в порядке? — нахмурился Исаак, заметив мою встревоженность.

— Я... Да, показалось просто. Птицы, наверное.

Вряд ли птицы умели петь человеческим голосом, но, выдавив измученную улыбку, я смогла убедить Исаака, что не сошла с ума.

— Сегодня предстоит много дел. Зои с Тюльпаной приедут только к вечеру, а сегодня Остара... Порядок в доме нужно навести, очаг заговорить, ужин приготовить. И еще...

Исаак кивнул и достал блокнот, записывая все мои распоряжения.

Спокойные волны Шамплейн походили на шелковую ткань. Переливаясь в свете низко висящего солнца, вода мерцала. А на пне рядом с нами стояла корзинка для пикника с домашними бутербродами, пледом и горячим чаем. Я удивилась, переместившись домой на рассвете и застав Исаака на берегу со всем этим добром. После того как он лишился руки, фантомные боли мешали ему спать. Исаак вскакивал спозаранку и бежал из дома, прихватив с собой очередной учебник по оккультным наукам — за этот месяц он прочел почти всю библиотеку ковена. Впрочем, я была уверена, что он плохо спал по ночам не только из-за физической боли, но и из-за душевной: каждый сантиметр дома напоминал ему о Виктории. Мебель, которая передавалась из поколения в поколение, фамильная геральдика на обоях и даже портреты Виктории анфас. Я сняла их или завесила шторами, но гнетущую атмосферу дома это не смягчило. Судя по тому, что однажды я застала Исаака плачущим над ее фланелевой рубашкой, еще хранящей аромат сандаловых духов, он до сих пор не свыкся с мыслью, что много лет любил холодный труп.

— Мы все успеем, не волнуйся, — сказал он, пряча ручку и блокнот в нагрудный карман рубашки. — Когда снова думаете отправиться в путь?

— Надеюсь, не скоро, — вздохнула я, кусая сэндвич. От удовольствия я замычала: кулинарный талант явно был присущ не только маме. — Я нашла всего двух ведьм, зато каких!.. Пусть мой ковен будет небольшим, зато могущественным. Пока этого хватит. Кстати, насчет ведьмака...

— Диего? Он приехал вчера днем и успел соорудить спортзал в одной из спален, — сообщил Исаак как-то не слишком радостно. — Они с Коулом сейчас на веранде.

Облизав кончики пальцев, я обернулась к особняку из белого камня, возвышавшемуся на холме. С каждым днем он выглядел все приветливее и светлее. По крайней мере, я очень хотела в это верить.

— Двоем?

— Да, они поладили. — Исаак потер культю. Он то и дело норовил взяться за что-нибудь левой рукой, так и не свыкнувшись с ее отсутствием. Я пообещала ему сделать алхимический протез, когда рука хорошенько заживет, но так и не успела закончить слепок из-за постоянных разъездов. — Диего поселился по соседству от тебя. Кажется, раньше та комната принадлежала Деборе... Его даже не смутили розовые бабочки на обоях. Видимо, хочет быть к тебе поближе, — многозначительно подмигнул Исаак, поправляя очки.

— Не хочу его огорчать, но чаще всего я ночую в комнате Коула.

В лице Исаака произошла молниеносная перемена, но я не поняла, что она обозначала. Пока он не забормотал:

— Кстати, об этом... У меня вызывает весьма противоречивые чувства тот факт, что моя дочь спит в одной постели с мужчиной в таком возрасте и... вне брака. — Я перхнула. — Конечно, моя история с Викторией тоже не пример для подражания, но тебе я желаю только самого лучшего, поэтому...

— Папа, — вздохнула я тяжело, раскачиваясь на поваленном дереве. — Несмотря на то что я теперь и впрямь зову тебя «папа», я уже взрослая. Спасибо за заботу. Мы с Коулом стали ночевать в одной постели спустя месяц после знакомства. Если ты волнуешься об... иных аспектах наших отношений, не волнуйся: каждая молодая ведьма знает чары или зелье от нежелательной беременности, так что раньше времени дедушкой ты не станешь.

Исаак порозовел, а затем молча подорвался с места и сгреб в корзину свою книжку и остатки нашего завтрака.

Я хохотнула, позабавленная, и встала следом, помогая ему собрать вещи.

— А что делает Сэм? — решила сменить тему я, двинувшись вместе с Исааком вверх по холму.

— Храпит и пускает слюни в подушку, вероятно. Очень... заносчивый тип, но готовит вкусно.

— А Гидеон?

— Вернулся на ферму, чтобы уладить какие-то вопросы с кленовой фабрикой. Кажется, ее планируют закрыть...

Я выдохнула с облегчением: с тех пор как Коул ослеп, я не знала, как буду смотреть Гидеону в глаза. «Не дай ему умереть из-за тебя или за тебя», — сказал он однажды. Конечно, слепота Коула была не прямым нарушением данного мною обещания, но... Едва ли это будет весомым аргументом для Гидеона. Встреча с ним сулила мне неприятности, а сейчас мне уж точно было не до охоты на ведьм.

Исаак кряхтел, пробираясь через траву, которая успела вырасти настолько, что доходила нам до колен (возможно, из-за магии, что вновь поселилась здесь). Держа меня за руку, как маленького ребенка, он мотнул головой, возвращая на переносицу съехавшие очки. Руки у него больше не тряслись, и я невольно улыбнулась, сжимая его шершавую ладонь. Во мне зрело чувство вины, будто я совершаю предательство — предаю Валентина Эбигнейла, который выра-

стил меня, как свою дочь, а теперь словно подлежал забвению. Однако почувствовать себя ребенком было слишком приятно, чтобы угрызения совести помешали мне наслаждаться нашей утренней прогулкой с отцом.

Исаак поднялся на крыльцо следом за мной и, помахав блокнотом с записанными инструкциями, скрылся в доме, чтобы начать подготовку. Я же двинулась в обход особняка к веранде, пристроенной под сенью балконов.

— То есть это возможно?

— Ну, гипотетически... да. Только для этого понадобится инструментарий.

— Что конкретно тебе нужно?

Я застыла, не успев выйти из-за угла. Бархатный голос Коула, еще хриплый после сна, сложно было не узнать. Он оживленно расспрашивал Диего о чем-то, а тот охотно отвечал, заинтригованный, если не возбужденный. Оба они, судя по скрипу стульев, сидели на креслах-качалках с видом на темную часть леса, где так любили распивать лимонный чай моя мама с Рэйчел.

Снова раздался скрип, и Диего, кажется, приподнялся. Щелкнула зажигалка, и ветер донес до меня запах ментоловых сигарет.

— Бычье сердце, вулканическая соль, забродившее виноградное вино, эссенция трупного яда. — Это бы звучало как неудачный рецепт ирландского рагу, если бы в конце Диего не добавил: — И главное, ее останки. Или хотя бы какая-нибудь личная вещь.

Я привалилась спиной к стене. Их голоса звучали приглушенно — очевидно, как раз для того, чтобы никто не подслушал. Поднеся к уху два пальца, я шепнула детское заклятие, которое позволяло нам с Джулианом всегда оставаться в курсе событий ковена, даже когда взрослые выставляли нас за дверь:

— *Ушки на макушке.*

Голоса сразу зазвучали отчетливее.

— Только вот ты слепой... Как ты собираешься достать мне все это?

— Я знаю, кого попросить. Не тревожься об этом.

— Зачем тебе это, парень? Весь дом будет вверх тормашками. Одри это не понравится...

— Одри не должна об этом знать. — Коул запнулся. — Пока что. Хочу, чтобы это было... сюрпризом.

— А ты романтик! — В голосе Диего сквозила издевка, и я напряглась. — Ладно. Не могу отказать в первой просьбе нового друга, тем более столь обаятельного. Будь все полицейские такими лапочками, глядишь, я бы стал меньше нарушать закон!

Диего по-лисий фыркнул, когда смеялся. Я выглянула из-за угла. Они сидели к дому боком, и мне удалось разглядеть, как Коул весь подобрался, будто приготовился защищать свою честь.

— Это что, флирт? — уточнил он настороженно, отставляя на стеклянный столик кружку с кофе, интерес к которому был утрачен.

— Ого! Как ты догадался?

— Одри научила определять, — ответил Коул, не распознав сарказма. — Слушай, я... я не по этой части.

— А по какой ты части?

— По гетеросексуальной.

Я приснула со смеху, прижав ко рту сжатый кулак, и наконец-то вышла из своего укрытия. Мне пришлось несколько раз кашлянуть, чтобы Диего перестал пожирать Коула глазами и, выпустив в воздух колечко дыма, посмотрел на меня.

— Верховная!

Я молча подошла к Коулу, который тут же вздернул подбородок и вытянул руки мне навстречу. Заключив в крепкие объятия, которые заставили поверить, что я и впрямь дома, он усадил меня к себе на колени.

Его нос ткнулся в ложбинку под моей ключицей, и я прижала кудрявую голову Коула к себе, целуя, пока он

слушал стук моего сердца, словно желая убедиться, что это на самом деле я.

— Ты в порядке? Я почувствовал странную боль недавно, будто кто-то дал мне скалкой по зубам... — прошептал он.

— Ах это! Губу случайно прикусила, да, — соврала я, решив умолчать про драку с Тюльпаной.

— Хм... Я думал, ты вернешься только через неделю, как обычно.

— Я ведь обещала отпраздновать с тобой Остару, — напомнила я, улыбаясь, и Коул поднял ко мне лицо. Я замлела, любуясь ямочками на его щеках и легкой щетиной, которая смотрелась столь непривычно, но так привлекательно. Увы, когда Диего затушил сигарету и демонстративно раскинулся в кресле, напоминая о своем присутствии, я вернулась в реальность: — Кстати, я тут ненароком подслушала ваш разговор...

Тело Коула напряглось, а губы сжались в плоскую линию.

— Какой разговор?

Что-то остановило меня от того, чтобы тут же обрушить на Коула шквал негодования и расспросов. Я знала, каким скрытным и хитрым он умеет быть, когда хочет: так он обзавелся и меткой атташе, которая теперь скрывалась под рукавом его кашемирового свитера. Как бы я ни пыталась контролировать его, Коул всегда делал то, что считал правильным, и атака в лоб только бы все усугубила. Решив, что лучше будет потолковать об этом с Диего с глазу на глаз, я притворилась невинной овечкой и сказала:

— Диего, не вздумай уводить у меня парня!

Тот поперхнулся, а Коул густо покраснел, сцепляя пальцы замком за моей спиной и пряча лицо, чтобы я не видела, как он умилительно сконфужен.

— Да я просто шутил! Впрочем, когда живешь несколько веков, и впрямь перестаешь обращать внимание на пол... — Диего задумчиво прищурился. — В мире же

столько разнообразия! Обидно умереть, не попробовав все. Живем-то один раз. А вы оба такие душки! Даже не знаю, кого выбрать.

— Погоди... Оба? — переспросил Коул, напрягшись.

Да уж, прямолинейности Диего было не занимать. Я наградила его уничижительным взглядом, но он лишь пожал плечами, простодушно улыбаясь. Пирсинг на его лице блеснул, и Диего закурил еще одну сигарету из серебряного портсигара.

— Пошли, — шепнула я Коулу, поднимаясь и утягивая его за собой, чтобы не позволить напасть на Диего и лишиться не только зрения, но и пары конечностей. — А ты... — Я сверкнула глазами на ведьмака, закурившего уже третью сигарету. — Будь как дома, но не слишком. Мы сегодня празднуем Остару... Так что сделай что-нибудь полезное к вечеру, а завтра начнем мое обучение.

— Слушаюсь, мэм!

Диего отсалютовал мне, и мы с Коулом вошли внутрь. Когда все, включая моего отца и Сэма, который вышел из кухни с тарелкой глазуньи, остались за дубовой дверью спальни, я наконец-то выдохнула с облегчением.

— Иди ко мне.

Я прыгнула на Коула, и, если бы позади него не стояла постель, мы бы рухнули на пол. Кажется, от моего бурного проявления чувств он даже опешил: стукнулся затылком об изголовье и смешно ойкнул, уставившись на меня потускневшими глазами.

— Вижу, ты и впрямь сильно соскучилась. — Его губы тронула медовая улыбка, и я наклонилась, чтобы вобрать ее в себя поцелуем.

— А насколько соскучился ты? — спросила я.

Вместо ответа Коул рывком перевернулся, и я оказалась под ним. За это время я почти забыла, какого это — лежать под весом его тела, выбивающим из легких дыхание, и чувствовать себя самой защищенной на свете.

— Может, хотя бы расскажешь, как обстоят дела с ковроном? — спросил Коул тихо, нависая надо мной. Его кудри щекотали мне лоб. — Как именно ты повстречала Диего, куда вы еще ездили с Зои и...

— Ох, Коул, давай не сейчас!

Я накрутила ворот его футболки на кулак и наклонила к себе так резко, что мы ударились лбами. Наши губы быстро встретились, и, пускай мои еще побаливали, мы не отрывались друг от друга очень и очень долго. Ему не нужно было видеть; он и так знал, где нажимать и гладить меня пальцами, чтобы уже спустя минуту я заурчала. Снова дома. Снова в его объятиях. Все будто бы вновь стало как прежде, но...

— Эта спальня будет моей!.. Ой, нет, не будет. Блин.

Коул почти избавил меня от бюстгалтера, ловко растянув его под кофтой, когда кто-то распахнул ногой дверь. Сквозняк превратил кожу в гусиную, и я натянула на себя одеяло. Коул, не зная, куда деться, замотал головой и принялся натягивать свитер, с которым я расправилась сразу же, как мы оказались в постели.

В дверях красовалась Тюльпана — стройная, как струна арфы, с надменным прищуром ametистовых глаз, которые переливались в полумраке. Каблуки делали ее такой высокой, что она могла бы дышать Коулу в затылок.

— Как вы приехали так быстро? — забормотала я, судорожно поправляя одежду, но Тюльпану будто бы не смущал наш с Коулом растрепанный вид. Она лишь придиричливо оглядывала его спальню, придерживая красный чемодан на колесиках.

— Я владею телепортацией, как и ты. Нет, даже лучше! Перенести машину — плевое дело. И то, что тебя это так удивляет, лишний раз подтверждает, как далеко тебе до первозданного мастерства Верховной ведьмы. Так где мне найти свободную комнату?

— Везде, — фыркнула я. — В любом уголке дома свободно.

— Зои тоже так сказала, но, как мы обе видим, не влюбом. — Ее лицо озарила ехидная усмешка, и взгляд остановился на Коуле. — А ты, должно быть, охотник из рода Гастингсов? Мама рассказывала о тебе. Эти кудри и игры под простыней с Верховной... Твой прадед тоже был весьма известным ходоком по ведьмам. О! А какие глаза белые. — Тюльпана накренилась к Коулу, шагнув внутрь комнаты, и тот прильнул к спинке кровати. — Бедный мальчик!

Я уже свесила с постели ноги, чтобы вышвырнуть отсюда Тюльпану за шкуру, как вдруг остолбенела, связав два и два.

Бартоломью Гастингс? Прапрадед Коула?!

Тюльпана бросила на меня пронзительный взгляд. Судя по всему, чтение мыслей было распространенным талантом в их колене. Но, так и не ответив на мой немой вопрос, она развернулась на каблуках и устремилась прочь, взмахнув напоследок белоснежными волосами.

— Здесь пахнет пылью и вами. Найду комнату по-лучше.

— Угу, — заторможенно кивнула я, стараясь затолкать этот вопрос о происхождении Тюльпаны поглубже и никогда больше о нем не вспоминать. — Когда разберешь вещи, спустись вниз и познакомься с остальными. А еще попроси Зои достать все швабры, что у нас есть.

Когда дверь за Тюльпаной снова закрылась, я облегченно вздохнула и открыла окно: воздух в комнате действительно стоял затхлый. Застегнув бюстгальтер, я плюхнулась на кровать рядом с Коулом и взвыла:

— Вот облом! Я надеялась, они приедут только к вечеру. Это была дочь Авроры. Ее зовут Тюльпана... Да, та самая, что помогала Ферн. Только не бей меня! Выбора не было. Я обменяла Вестники на нее. Временно.

Меж бровями Коула пролегла хмурая морщинка, а лицо сделалось непроницаемым. Я мягко надавила ему на спину:

мышцы были точно кремь. Коул даже не отреагировал на мое касание.

— Тьма, — прошептал он, глядя на дверь, не моргая. — Когда она вошла, я почувствовал Аврору... Они очень похожи. Я доверяю тебе, Одри, — сказал Коул серьезно. — И если ты приняла ее, значит, это и впрямь необходимо. Но...

— Но тебе не нравится мое решение.

— Да, не нравится.

Я вздохнула, и Коул поцеловал тыльную сторону моей ладони.

— Мне надо спуститься, чтобы подготовиться к вечерней Остаре, — проворчала я, неохотно вставая. — Это один из самых хлопотных праздников в ковене. Уборка, уборка и еще раз уборка.

— Может, я помогу? — Коул закусил губу, полный надежды, и я содрогнулась от жалости перед тем, сколько раз он слышал это строгое «нет» в ответ на все его попытки сделать хоть что-то полезное. — Я мог бы хоть в наших комнатах порядок навести...

— Если уверен, что справишься, то давай. Только не убейся. — Я робко улыбнулась, вкладывая ему в ладонь бронзовый колокольчик, чтобы он мог позвать меня или кого-то еще, если потребуется. Коул скривился, показывая, что всей душой ненавидит его: это был пятый колокольчик за месяц. Он терял их, ломал или выбрасывал из окна (якобы ненамеренно, но все мы знали правду).

— А что будет вечером? — успел спросить он, маскируя свое нетерпение любопытством. — Ты говорила про кроликов и размножение...

Я усмехнулась, заметив румянец на щеках Коула, и пообещала, что это будет великолепный вечер, а затем попрощалась и приступила к делам.

Пока Коул гремел в комнате, искренне пытаюсь убраться, я спустилась вниз и вскипятила на плите воду. Вылив в нее половину флакона мятного масла и выжав целый

лимон, я проварила настой еще пару минут и сняла с конфорки.

— Иду по земле как друг, а не господин. Мать Богиня и Бог Отец, наделите меня через масло теплом всех живых существ, — прошептала я, разбрызгивая еловой веткой воду с лимоном и мятой по всем углам.

Я прошла так по всем комнатам, невольно отворачиваясь от вещей, которые принадлежали моим братьям и сестрам. Никакая священная вода не могла вымыть той скверны, что разнес повсюду Джулиан. Не глядя брызнув маслом на детскую кроватку Ноа, я заперла дверь в спальню и поклялась себе больше туда не возвращаться.

Когда дело было сделано, а от бега со шваброй и ведром у меня начала болеть спина, я решила, что пора сворачиваться. Зеркала сверкали, а на шкафах не было ни единой пылинки. Полностью удовлетворенная результатом, я вернулась к себе и присвистнула, увидев, что Коулу все же удалось упорядочить хаос из книг, глянцевого журналов и моей одежды. Открыв гардеробную и вытащив традиционную белую тунику с длинными рукавами и золотой вышивкой по линии декольте, я быстро переоделась. Тяжело было смотреть на свои руки, очерненные до самых локтей, а потому одевалась я не глядя, крепко зажмурившись.

— Чего-то не хватает, — задумчиво промычала я, взглянув на свое отражение, и открыла деревянную шкапулку с драгоценностями, чтобы найти, чем дополнить свой образ. Внутри, рядом с сережками и ожерельями, пылилось бронзовое зеркальце Коула, а рядом угрожающе поблескивали часы Исаака с надколотым циферблатом, внутри которых таился диббук. Не найдя ничего подходящего, я вздохнула и, немного поколебавшись, достала золотой браслет с запертыми внутри гримами. Он легко застегнулся на моем запястье, пока я спускалась вниз.

Стол был уже накрыт. Зои расставляла последние блюда из серебра, а Диего осторожно связывал букет из весен-

них цветов — нарциссов и сциллы, — чтобы добавить их в алтарную вазу. В то время как Тюльпана даже не соизволила выйти из комнаты, он весь день работал за троих, оказавшись невероятно трудолюбивым: успел наколоть и перетаскать к печи дров, а затем помог Зои с уборкой нижнего этажа. К вечеру его неоново-синие волосы стали пастельно-голубыми, как жвачка, и почти все рунические татуировки на бронзовой коже спрятала светлая рубашка из льна.

Поймав мой изучающий взгляд, Диего отвлекся от разглаживания желтых лепестков и улыбнулся:

— А где твой кудрявый ангел?

Не успела я всерьез задуматься об этом, как в гостиную вошел Исаак, ведя за собой Коула. Они тоже позаботились о подобающей одежде: кремовых тонов и из легких, полупрозрачных материалов. Я невольно вспомнила кладбище Метейри, где Коул предстал в похожем виде, и на душе потеплело.

— Пахнет вкусно, — промычал он, поведя носом. Веснушки на нем успели потемнеть: должно быть, последние дни Коул много нежился на солнце. — Значит, первая традиция Остары — это сытный ужин?

— Да, Зои с Сэмом воплотили старинный рецепт моей семьи. Дикий лосось на овощной подушке и... В общем, попробуешь. Но это только прелюдия!

— Ага, потом еще шоколадный пудинг, — облизнулся Исаак, поглядывая на духовку.

Я усмехнулась, ведь имела в виду совсем не это.

— Что ж, можем начинать, раз все готовы.

— Не все. Тюльпана отказалась спускаться, — осторожно сообщила Зои, пытаясь пригладить рыжие непослушные волосы Сэма, которые не брал даже укладочный гель.

Тот отмахивался от ее руки, ворча, что не соглашался принимать участие ни в каких шабашах и что ему вполне хватило прошлой поездки в парк Глейшера.

— Значит, этому учат маленьких ведьм в ковене Шамплейн? — спросила Тюльпана с откровенной насмешкой и захлопнула книгу, которая, по-видимому, была ее дневником. — Если не отпразднуешь Остару как следует, то ты обречен? Глупости! Какой толк в ритуалах, если они не приносят ощутимого результата?

— Это называется «традиция», — ответила я, удерживая взгляд Тюльпаны. — Хороший повод узнать друг друга лучше. Мы ведь теперь связаны, забыла?

Я ткнула пальцем себе в грудь, туда, где ощутила силу Тюльпаны впервые, когда Аврора подарила ее мне, как сломанную игрушку. Будто вспомнив ту тяжесть в груди, словно от удара, Тюльпана тоже прикоснулась к сердцу.

— Я выполню свою часть сделки, — сказала она. — Научу тебя тому, что знаю, и помогу одолеть Ферн. Но я не обязана притворяться, что уважаю тебя и твои абсурдные правила. Я часть твоего ковена, но я не твоя подружка.

— И слава богу, — театрально перекрестилась я. — Ты обязана присутствовать на Остаре, потому что ты *моя* ведьма. Я все равно не оставлю тебя в покое, пока ты не пойдешь со мной. Проще отмучиться один час, чем терпеть меня всю ночь, не находишь?

Тюльпана застонала, но, кажется, мой довод прозвучал убедительно. Она не торопясь слезла с постели и уже собиралась последовать за мной, как я жестом остановила ее, кивая на гардероб:

— Ты должна переодеться во что-нибудь белое...

— Нет.

— Ну ладно.

Решив, что одного спора с ней на сегодня хватит, я отошла в сторону и молча пропустила ее.

— А какими дарами ты владеешь, кстати? — поинтересовалась я, вдруг осознав, что и представления не имею, чему конкретно Тюльпана намерена обучать меня.

— Всеми.

порил щелчком пальцев и разлил по бокалам. — Купил на рынке по пути в Вермонт. Слышал, в ковене Шамплейн на Остару как раз варят клубничное вино.

Я сделала маленький глоток и замычала от удовольствия, как и остальные. Даже Коул пригубил полрюмки, не устояв.

— Хм, верно. Откуда ты знаешь о наших традициях?

— Я знаю о традициях большинства ковенов мира. Верховный, под присмотром которого я когда-то жил, был помешан на истории колдовства.

— Погоди, ты жил в ковене? — Я нахмурилась, и Диего подлил еще вина мне в кубок. Золотой, украшенный самоцветами, он раньше принадлежал Виктории. Удивительно, как она справлялась с такой тяжестью — из-за обилия рубинов его было сложно даже оторвать от стола. — Как же ты стал неприкаемым?

— Сбежал. — Диего сверкнул улыбкой. — Я сирота. В семь лет меня усыновила семья людей, но я был нужен им только, чтобы помогать по хозяйству с еще пятью приемышами. Я решил, что жить на улицах всяко лучше, чем в качестве бесплатного чернорабочего. С магией я легко пережил голод, пока не закрепился в чикагской банде. А к концу Второй мировой, когда от Аль-Капоне, Мура и всех подобных им уже ничего не осталось, меня подобрал ковен на границе с Мексиканским заливом. Микаэлл был добр ко мне, но... — Диего смолк, и едва я успела заметить угрюмую тень на его лице, как оно вновь разгладилось и просияло. — Что было, то прошло! Кому еще вина?

— Аль-Капоне?! Стэнли Мур?! Ты говоришь о гангстерах? — вырвалось у Сэма. Похоже, это было единственное, что он услышал. — Они ведь жили еще в двадцатые! Обалдеть, какой ты старпер.

Мы рассмеялись, а Зои покрылась испариной, решив умолчать, что младше Диего всего лишь на десять-двадцать

лет. Тишина за столом быстро уступила место праздной болтовне. Ребята начали обсуждать рецепт рыбы, а потом переключились на споры о любимых кинофильмах. В какой-то момент, пока я набивала рот закусками, Зои решила проявить инициативу и взялась за рассказ о том, где мы с ней успели побывать за последний месяц.

Нью-Джерси. Детройт. Мичиган. Игнорируя мое возмущенное мычание, она не поленилась упомянуть даже о том, как несколько неприкаянных отказали мне. В конце концов она добралась до нашей встречи с Диего: он улыбался, размахивая вилкой в знак согласия со всем, что слышал, а затем в красках описал нашу драку в Дуате. Коулу это не понравилось: он даже отказался от рыбы, когда я предложила ему помочь и покормить его, чтобы он не проткнул себе щеку вилкой, как в прошлый раз.

Дослушав до момента, когда я натравила на Диего сумеречное чудовище, Исаак поперхнулся и подметил, что не видел такого заклятия в гримуаре Виктории. Мне повезло, что в этот момент Сэм опрокинул на себя противень с бульоном и прервал разговор своим бурным сквернословием. Руки предательски зачесались там, где Шепот отравил их. Сложно было не заметить, с каким снисхождением посмотрела на меня Тюльпана в этот момент, безмолвно поглощая картошку.

Но она веселилась до тех пор, пока не пришло время для ритуальной части.

— Вот в этой ахинее я участвовать точно не буду, — отрезала Тюльпана, сложив руки на груди, когда все вышли из-за стола и собрались в гостиной у камина, выжидая, когда она присоединится. Я придерживала Коула под локоть, вручив связку ненавистных ему васильков, а себе выбрав солнечный подсолнух. — Сжигать цветы, чтобы... Что? Попрощаться с чем-то плохим из ушедшего года, верно? Будто это поможет забыть все то дерьмо, что с вами приключилось.

